

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

КЛЯТВА БЕЗУМНАЯ И СМЕРТЕЛЬНАЯ

18+

БРИДЖИТ КЕММЕРЕР

Бриджит Кеммерер
Клятва безумная и смертельная
Серия «Young Adult. Проклятие
Эмберфолла», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66381476

Клятва безумная и смертельная / Бриджит Кеммерер: Эксмо; Москва;

2021

ISBN 978-5-04-158365-1

Аннотация

Взглянуть в лицо своим страхам и сразиться за Эмберфолл. Эмберфолл стремительно разрушается. Его жителям предстоит непростой выбор: решить, кто действительно достоин взойти на трон. Одни считают Рэна законным наследником, другие желают начать новую эпоху под покровительством Грея. Теперь у Рэна есть ровно шестьдесят дней, чтобы добровольно отдать власть над Эмберфоллом, прежде чем Грей отберет ее силой.

Спасти королевство и победить любой ценой.

Народ Силь Шеллоу склонил колени перед новой королевой Лией Марой, но удастся ли ей стать той, в ком нуждается ее страна? Рядом с ней Грей – истинный наследник трона

Эмберфолла, совместное правление с которым способно принести мир всем государствам. Но сможет ли он принять сторону Силь Шеллоу в войне против своей родины?

Когда будущее государства поставлено на карту, преданность будет проверена на прочность, любовь окажется под угрозой, а на горизонте появится старый враг.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	55
Глава 7	68
Глава 8	87
Глава 9	102
Глава 10	112
Глава 11	128
Глава 12	143
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Бриджит Кеммерер

Клятва безумная и смертельная

Глава 1

Грей

Погода начала меняться, позволяя ледяному ветру спускаться с гор и пробираться под меховую подстежку моей кожаной куртки. В Силь Шеллоу холоднее, чем в Эмберфолле, но я так давно не наблюдал за постепенным переходом осени к зиме, что никак не мог нарадоваться стуже.

Все собрались вокруг большого камина, горящего в главном зале Хрустального дворца, и теперь потягивают первую партию зимнего вина, приготовленного королевским поваром. Однако я составляю Айзеку компанию за игрой в кости на холодной и темной веранде, поскольку скрейвер терпеть не может тепло.

Единственный источник света здесь – одинокая свеча в стеклянной банке, стоящей на столе между нами.

Айзек встряхивает серебряные кубики между ладоней, после чего позволяет им с шумом катиться по столу.

– Черт побери, – бормочу я, подсчитывая в уме его очки. Я неплохо играю в карты, но кости, судя по всему, ненавидят меня. В картах присутствуют элементы стратегии и выбора, в то время как игральными кубиками управляет не что иное, как случайность. Я бросаю монету на стол, признавая победу своего противника.

Айзек улыбается. Царящая вокруг тьма окрашивает его черные глаза и серую кожу в еще более темные тона, а лунный свет сверкает ослепительной белой вспышкой на его клыках. Скрейвер кладет монету в карман, но, скорее всего, позже он отдаст ее Тайко. Он опекает мальчишку, как старая бабушка. Или же, вернее будет сказать, как отец, скучающий по сыну, которого он некогда лишился.

– Где же наша юная королева? – спрашивает Айзек.

– Лия Мара ужинает с представителями одного из королевских домов.

– Без вас?

– Они просили личной аудиенции, и Лия Мара должна делать все, чтобы угодить им.

Королевские дома оказывали давление на бывшую королеву до того, как она была убита, однако Карис Люран правила твердой рукой, которая позволяла ей держать своих вельмож в узде. Теперь же, когда власть взяла в руки Лия Мара, а королевство Силь Шеллоу отчаянно нуждалось в ресурсах, требования найти новые торговые пути через Эмберфолл, судя по всему, стали в два раза более настойчивыми, поскольку Лия Мара не желала править так же, как правила ее мать.

Я пожимаю плечами и собираю разбросанные игральные кости.

– Не все здесь благосклонно относятся к магии, Айзек.

– В этом я не сомневаюсь, Ваше Высочество. – Он огля-

дывает темную веранду, на которой нет никого, если не считать нас и стоящих у дверей стражников. – Люди предпочитают держаться от нас на расстоянии.

– Ну, сегодня холодно, – уклончиво отвечаю я.

Однако Айзек прав. Наверняка дело вовсе не в погоде, а в магии.

Я ладил с большинством стражников и солдат в Силь Шеллоу, но между нами всегда висело напряжение, которому я не мог найти объяснения. Они держали себя со мной настороженно. Поначалу я думал, что это связано с тем, что меня считают преданным Эмберфоллу. Именно я был рядом с Лией Марой, когда она убила свою мать и заявила о правах на престол.

Однако с течением времени эта настороженность становилась все более очевидной в те моменты, когда я исцелял раны или защищался от своего оппонента на тренировочной площадке. Не говоря уже о том, когда я направлялся в оружейную, чтобы сдать оружие, разговоры вокруг меня тут же обрывались и стражники расходились в разные стороны.

Сильный ветер проносится через веранду, заставляя свечу оплыть, а затем погаснуть.

– Вот и подтверждение моих слов. – я вздрагиваю от холода.

– Мы должны пользоваться нашим уединением, – говорит Айзек, и его голос становится ниже и тише, чтобы его слова не могли долететь до ушей стражи.

Я касаюсь фитиля свечи и делаю круговое движение, позволяя звездам в моей крови пуститься в пляс на кончиках пальцев. То, что когда-то казалось таким необычайно сложным, теперь не требует от меня усилий. Пламя возвращается к жизни.

– Я думал, мы и так проводим время с пользой.

– Мне не нужны ваши монеты.

Я улыбаюсь.

– Что ж, это хорошо, потому что у меня их почти не осталось.

Айзек не улыбается в ответ, и выражение моего лица становится серьезным. Айзек – король по крови, хотя он и прожил год, поклявшись служить мне верой и правдой. Некоторое время его держали в клетке в Эмберфолле, а потом Карис Люран посадила его на цепь. Я не единожды предлагал освободить его от клятвы, но каждый раз он отвечал отказом. Я не уверен, что заслуживаю такой преданности с его стороны, зная, через что Айзеку пришлось пройти. Сначала пропал его сын, а затем он лишился трона в Ишелласе. Когда Айзек просит моего внимания, я стараюсь не отказывать ему в этом.

– Тогда что же тебе нужно? – спрашиваю я.

– Не только в Силь Шеллоу люди боятся магии.

Я хмурюсь. Он говорит о Рэне.

О моем брате.

Каждый раз, когда я думаю об этом, что-то внутри меня

болезненно сжимается.

– Вы как-то сказали, что не хотите воевать с ним, – говорит Айзек.

Я рассматриваю кости в своей руке, прокручивая их между пальцами.

– И по-прежнему не хочу.

– При этом вы начали формировать армию для Лии Мары.

Я сжимаю серебряные кубики в кулаке.

– Так и есть.

– Казна Силь Шеллоу пустеет. У вас, вероятно, будет лишь один шанс выступить против своего брата. Потери в последней битве с Эмберфоллом были весьма существенными из-за чудовища-принца Рэна. Второе поражение будет фатальным. – Он ненадолго замолкает. – К тому же вы дали ему шестьдесят дней на подготовку к бою.

– Я знаю.

– Как бы вы ни стремились сохранить жизни, война не может обойтись без жертв.

– Это я тоже знаю.

Очередной порыв ветра проносится по веранде, снова задувая пламя свечи. На этот раз ветер был привлечен Айзеком. Я научился чувствовать его магию. Она живет в воздухе, в отличие от той, которая течет в моей крови.

Я бросаю на скрейвера многозначительный взгляд и снова зажигаю фитиль. Порыв ветра опять тушит пламя, и я прищуриваюсь. Айзек никогда не отступает. Когда я впервые на-

чал учиться контролировать свою магию, меня это раздражало, но теперь я получаю удовольствие от вызова. Я держу палец у свечи, и пламя из всех сил старается не погаснуть. Перед моими глазами пляшут звезды, пока я пытаюсь подчинить магию своей воле. Ветер становится настолько сильным, что почти срывает с меня плащ, а мои глаза начинают слезиться. Айзек взмахивает крыльями, но пламя не гаснет.

– Я сказал, что мне холодно. Ты не слышал?

Скрейвер улыбается и позволяет ветру улететь в никуда. Из-за внезапного отсутствия магического сопротивления мое пламя на мгновение поднимается высоко вверх, отчето растопленный воск тут же начинает струиться по стенкам свечи. Я перестаю воздействовать на свечу магией.

– Мне кажется, стоит показать народу Лии Мары, что магия может быть полезной, – советует Айзек.

Я вспоминаю о людях, исцеленных моей магией, о том, как мне удавалось отбрасывать врагов не только от себя, но и от тех, кто сражался рядом со мной.

– Я уже показывал, – отвечаю я.

– Я о том, что вы должны сосредоточить свое внимание не только на военной мощи.

Я внимательно смотрю на него.

– Ты хочешь сказать, что я должен использовать магию против Рэна, – говорю я, и это не вопрос. – Именно этого он и боится.

– Вы сказали ему, что собираете армию. Он будет готов

мстить. Он будет готов сражаться на расстоянии, как это делают короли.

Но против магии он будет бессилен.

Я знаю. Рэн уже проигрывал магии.

– Рэн вас знает, – замечает Айзек. – Он ожидает насилия. Он ожидает вооруженного нападения. Он готовится к спланированной жестокой атаке, мало чем отличающейся от той, что организовала Карис Люран. Вы формируете армию и тем самым поклялись в верности этой стране.

– Не стоит недооценивать его. – Я вспоминаю о шрамах от хлыста на своей спине и на спине Тайко. – Когда его загоняют в угол, Рэн может быть очень жестоким.

– Да, Ваше Высочество. – Айзек заставляет пламя снова трепетать на ветру. Огонек отражается в его блестящих черных глазах. – И вы тоже можете.

Глава 2

Рэн

В Замке Железной розы снова осень. Первый холодный ветер сезона врывается в мои окна, и я вздрагиваю от холода. Я уже несколько месяцев обходился без растопленного камина по утрам, но сегодня в воздухе повеяло осенней свежестью, и мне захотелось позвать за слугами, чтобы они развели очаг.

Я этого не делаю.

На протяжении вечности я боялся начала нового сезона, потому что это означало, что проклятие снова вступит в свои права. Мне исполнялось восемнадцать, и я оказывался в ловушке бесконечно повторяющейся осени. Я оставался наедине с Греем, моим бывшим командором стражи, и пытался найти девушку, которая могла бы снять проклятие, истязавшее меня и весь Эмберфолл.

Этой осенью рядом со мной Грея нет.

Этой осенью со мной будет девушка.

Этой осенью, судя по всему, мне впервые исполнится девятнадцать.

Проклятие снято.

Но я этого не ощущаю.

Лилит – колдунья, которая когда-то загнала меня в ловуш-

ку проклятия, – теперь поймала меня на крючок другим способом.

Харпер – девушка, которая смогла снять проклятие, «принцесса Колумбии», поклявшаяся помогать моему народу, сейчас стоит во дворе под моим окном и размахивает мечом вместе со своей ближайшей подругой Зо. Зо некогда была стражницей Харпер, но затем она помогла Грею сбежать. Я не могу лишиться Харпер лучшей подруги, но я также не могу допустить, чтобы присягнувший мне в верности солдат демонстрировал избирательную лояльность.

Царящее вокруг напряжение и так слишком сильное.

Харпер и Зо отступают друг от друга, тяжело дыша, но Харпер почти сразу же возвращается в боевую стойку. Это заставляет меня улыбнуться. Церебральный паралич делает бой на мечах сложным – некоторые бы даже сказали *невозможным* – однако Харпер настроена освоить это искусство куда более решительно, чем любой человек из всех, кого я знаю.

У меня за спиной раздается легкий беззаботный голос:

– Ах, Ваше Высочество, как это мило, что принцесса Харпер считает, будто бы она может преуспеть в своих начинаниях.

Улыбка исчезает с моего лица, но я не двигаюсь с места.

– Леди Лилит.

– Прости, что отрываю тебя от раздумий, – говорит она.

Я молчу. Я никогда не прощу ей ничего.

– Интересно, как она справится с жизнью на улицах своей этой Колумбии, если тебе не удастся одержать победу над армией Силь Шеллоу.

Я замираю. Она часто угрожает тем, что перенесет Харпер обратно в Вашингтон, округ Колумбия, где у меня не будет даже возможности поговорить с ней, где у самой Харпер не будет ни дома, ни средств на существование, ни людей, на которых она могла бы положиться, ни возможности вернуться в Эмберфолл.

Лилит не обращает внимания на мое молчание.

– Разве ты не должен готовиться к войне?

Да, вероятно, должен. Грей дал мне шестьдесят дней, чтобы я подумал и добровольно отдал власть над Эмберфоллом прежде, чем он поможет Лие Маре отобрать ее силой. Сейчас он находится в Силь Шеллоу и готовится возглавить армию против меня. Я не знаю, движет ли им желание обеспечить страну необходимыми ресурсами (Силь Шеллоу отчаянно нуждается в доступе к торговым путям) или желание занять трон, который, как он прежде говорил, ему вовсе не нужен.

В любом случае он собирается напасть на Эмберфолл. Он собирается напасть на меня.

– Я готов, – отвечаю я.

– Я что-то не вижу армии, не вижу никаких генералов, разрабатывающих стратегии в штабе, не вижу...

– Ты решила стать военным стратегом, Лилит?

– Я просто знаю, как должна выглядеть подготовка к войне.

Я хочу умолять ее уйти, но это только усилит ее желание остаться. Когда Грей был заточен здесь со мной, я находил утешение в том, что не страдаю в одиночестве.

Теперь я страдаю один, и это... невыносимо.

Внизу, во дворе, Харпер и Зо снова скрещивают клинки.

– Не гонитесь за ее клинком, миледи! – кричу я.

Они отскакивают друг от друга, и Харпер поворачивается, чтобы с удивлением посмотреть на меня. Ее каштановые кудри заплетены в растрепанную косу, лежащую на плече. На девушке кожаные наручи и позолоченный нагрудник, и они сидят на ней так, будто бы она с рождения была знакома с королевскими устоями и оружием. Харпер сейчас совсем не похожа на ту изнеможенную девчонку, которую Грей много месяцев назад притащил с улиц Вашингтона, предварительно изваляв в пыли.

Теперь Харпер стала воинственной принцессой с длинным шрамом, протянувшимся по щеке, и еще одним шрамом на поясе, и обе эти отметины были делом рук стоящей позади меня злой колдуньи.

Когда Харпер смотрит на меня, ее глаза всегда внимательно изучают черты моего лица, как будто она подозревает, что я что-то скрываю от нее. Как будто она сердится на меня, хотя и не говорит ничего вслух.

Лилит ожидает в тени, стоя за моей спиной. Было время,

когда Харпер приглашала меня в свои покои, чтобы защитить от колдуньи. Жаль, что она не может сделать это снова. Я уже несколько месяцев не бывал в ее спальне. Между нами слишком много недосказанного.

– Я не знала, что ты наблюдаешь за нами, – говорит Харпер и убирает меч в ножны, словно выражая тем самым свое недовольство.

– Я всего лишь выглянул в окно, – говорю я и после секундного молчания добавляю: – Простите меня.

Как только я произношу это вслух, мне хочется взять свои слова обратно. Похоже, я извиняюсь за что-то другое. Наверное, так оно и есть.

Должно быть, Харпер услышала напряжение в моем голосе, потому что теперь она хмурится.

– Я тебя разбудила?

Как будто я вообще сплю в последнее время.

– Нет.

Она смотрит на меня снизу вверх, а я смотрю на нее сверху вниз и жалею о том, что не могу понять все те чувства, которые повисли в воздухе между нами. Я жалею о том, что не могу рассказать ей о Лилит. Я отчаянно желаю заслужить ее прощение и вернуть себе доверие. Я жалею о том, что не могу исправить свои прошлые ошибки.

– Я не поняла, что ты имел в виду, – наконец говорит Харпер. – Насчет того, чтобы я не гналась за клинком.

– Я могу спуститься и показать вам, – предлагаю я.

Выражение ее лица становится непроницаемым, но только на мгновение. Мое сердце неистово колотится в груди. Я готовлюсь к тому, что она откажется от моего предложения. Раньше она всегда отказывалась.

Но затем Харпер говорит:

– Хорошо. Спускайся.

Мое сердце радостно замирает, но затем из-за моей спины раздается голос Лилит.

– Да, давай, – говорит она. – Ступай, Ваше Высочество. Покажи ей силу своего оружия.

Я поворачиваюсь, сверкая глазами.

– Убирайтесь прочь, леди Лилит! – яростно шепчу я. – Если вас так беспокоит моя подготовка к войне, то найдите какой-нибудь способ мне в этом помочь вместо того, чтобы мучить меня всякий раз, когда вам скучно.

Лилит смеется.

– Как скажешь, принц Рэн.

Она протягивает руку, как будто хочет коснуться моей щеки, и я отшатываюсь, натываясь на стену. Ее прикосновение может обжигать, как пламя, если не хуже.

Улыбка Лилит становится шире. Мои руки сжимаются в кулаки, но колдунья исчезает.

Со двора внизу я слышу, как Харпер окликает меня:

– Рэн?

Я делаю глубокий вдох и возвращаюсь к окну. Солнце поднялось уже достаточно высоко в небе, и в его свете тем-

ные волосы Харпер сияют золотыми и красками.

Мне нужно готовиться к войне, но у меня такое ощущение, будто бы уже нахожусь в ее эпицентре.

– Позвольте мне переодеться, – говорю я. – Я спущусь через минуту.

Глава 3

Харпер

Я удивлена тем, что Рэн решил спуститься. Честно говоря, я удивлена тем, что он вообще наблюдал за мной. С тех пор как Грей поставил ему ультиматум, Рэн постоянно пропадал на совещаниях с главными маршалами из далеких городов, военными советниками и своей королевской стражей.

И хорошо. Когда я рядом с ним, у меня внутри постоянно горит крошечный комок гнева, и, кажется, ничто не сможет погасить его.

Это чувство злости заставляет меня чувствовать себя виноватой. Все, что Рэн делает, он делает ради своего королевства и народа. Быть принцем – быть *королем* – означает принять ответственность за жертвы и подразумевает необходимость делать трудный выбор.

Сколько бы раз я ни пыталась, я не могу забыть о том, как Рэн поступил с Греем и Тайко.

Я не могу забыть о том, что вернулась сюда вместо того, чтобы уйти со своим братом.

Вместо того чтобы уйти вместе с Греем.

Я поворачиваюсь к Зо, но она уже вложила меч в ножны. В ее взгляде читается напряжение.

– Мне нужно вернуться к себе.

Она не хочет находиться рядом с Рэном. Я пытаюсь подобрать какие-то слова, но потом хмурюсь. Зо оказалась в замке несколько месяцев назад, когда Рэн пытался объединить свой народ для защиты Эмберфолла от вторжения войск Силь Шеллоу. Зо была ученицей мастера песнопения в Лунной Гавани, но поскольку владела мечом и умела стрелять из лука, она подала заявление на вступление в Королевскую стражу. Грей одобрил ее заявку и назначил моей личной стражницей.

Мы быстро подружились, и девушка стала моей первой подругой после той полной хаоса жизни, которую я оставила в Вашингтоне, округ Колумбия. Зо сильная, умная и обладает сухим чувством юмора. Иногда я не спала до глубокой ночи, когда она дежурила у моей двери. Мы терялись в догадках, в попытках понять, что случилось с Греем после снятия проклятия, обсуждали слухи о пропавшем наследнике и гадали, что будет с Эмберфоллом, если Силь Шеллоу нападет на королевство снова.

Однако затем Грея нашли в другом городе, где он скрывался. Было очевидно, что ему известна личность пропавшего наследника, но он отказывался сообщать об этом Рэну. Рэн пытал его, чтобы получить нужную информацию, и в итоге добился своего, однако полученные ответы были крайне неожиданными. Грей не просто знал личность пропавшего наследника престола, он сам оказался старшим братом Рэна и колдуном, в чьей крови была магия. Он был полно-

правным наследником престола.

Грей об этом не знал. И Рэн тоже.

Я помогла Грею сбежать после того, как Рэн пытал его.

Зо помогла мне.

Из-за этого она лишилась своей должности в Королевской страже. Грей как-то говорил мне, что его стражники отрываются от семьи и друзей именно для того, чтобы избежать подобных ситуаций. Зо поклялась Рэну в верности, но действовала вопреки его приказам ради меня. Рэн не проявляет к Зо жестокости – для этого он слишком дипломатичен. Однако между ними возникла стена. Я не уверена, что эта стена когда-нибудь исчезнет, как не уверена в том, что горящее во мне пламя гнева когда-нибудь погаснет.

Я хочу умолять Зо остаться, потому что в присутствии Рэна я всегда чувствую себя как на иголках. Однако я не могу этого сделать, поскольку это эгоистично.

Просить Зо помочь Грею, наверное, тоже было неправильно. Мы с ней подруги, но она – моя стражница. Помогала ли она тогда мне по дружбе или же из чувства долга? Я даже не уверена в том, имеет ли это вообще хоть какое-то значение. Важно то, что Зо помогла мне, и из-за этого осталась без работы... Без работы, которую любила.

Рэн не бессердечен. Он выплатил Зо годовое жалованье и написал рекомендательное письмо, которое она хранила у себя. При этом Зо осталась жить на территории замка, а Рэн ее не прогонял.

Она хотела быть стражницей и бросила учебу у мастера песнопения ради этого. Зо говорит, что не хочет оставлять меня одну, пока вокруг так опасно. Однако какая-то часть меня подозревает, что Зо просто не хочет возвращаться домой с грузом сделанного ею выбора. С грузом выбора, который сделала я.

Я слишком затягиваю с ответом. Рэн успевает спуститься во двор в сопровождении двух своих стражников. Светловолосый, кареглазый, высокий и как всегда эффектный. Наряд Рэна всегда тщательно продуман вплоть до богато украшенной рукояти меча, который висит у него на поясе, и гравированных серебряных пуговиц на камзоле. Рэн двигается целеустремленно, с атлетической грацией: в его походке и жестах нет и намека на неуверенность. Он держит себя как принц. Как король. Как человек, рожденный править.

Однако я замечаю небольшие изменения в его внешности. Тени под глазами Рэна стали чуть темнее. Линии его подбородка кажутся более резкими, а скулы чуть более острыми. За последние несколько недель в глубине его глаз поселилась тревога.

Стражники Рэна занимают место у стены, пока он идет через двор по направлению к нам. Зо вздыхает.

– Прости, – шепчу я ей.

– Ерунда. – Она делает реверанс Рэну, хотя на ней бриджи и доспехи. – Ваше высочество.

– Зо, – сухо произносит он, после чего переводит взгляд

на меня. – Миледи.

Я набираю в легкие воздуха, чтобы сказать что-нибудь в попытке ослабить повисшее между нами напряжение, но Зо меня опережает:

– Прощу меня извинить, но мне нужно вернуться к себе.

– Конечно, – говорит Рэн.

Я закусываю губу, когда она уходит.

– Она бежит от меня, – говорит Рэн, и в его взгляде нет вопроса, лишь уверенность.

Я тут же встаю на защиту подруги.

– Вовсе нет.

– Но именно так это выглядит со стороны.

М-да, ну а кто-то со стороны выглядит как козел.

– Зо имеет право злиться, Рэн.

– И я тоже.

Подобный ответ заставляет меня прикусить язык и сдерживать еще не до конца сформулированное возражение. Я не знала, что он по-прежнему злится на Зо. Интересно, злится ли он на меня или же я единственная, у кого внутри горит неугасающее пламя гнева?

Прежде чем я успеваю задать свой вопрос, Рэн выхватывает меч.

– Покажи мне, чему ты научилась.

Я кладу руку на рукоять меча, но не вынимаю его из ножен. Я не совсем понимаю, почему я так делаю, особенно после того, как я сама попросила его спуститься и помочь

мне. Может быть, дело в том, что слова Рэна прозвучали как приказ, или же причина в том, что он настроен слишком уж воинственно. В любом случае мне не хочется вести с ним диалог, когда он держит в руках оружие.

Я отвожу взгляд.

– Больше не хочу тренироваться, – я поворачиваюсь в сторону двери, через которую Рэн только что вышел во двор. – Мне нужно переодеться к завтраку.

Я слышу, как он убирает меч в ножны, а потом его рука мягко обхватывает мое запястье.

– Пожалуйста.

Это просьба сломленного человека. Отчаянная мольба в голосе Рэна пробивает крошечную дыру в моем гневе.

– Пожалуйста, – повторяет он, и его голос звучит очень мягко. – Пожалуйста, Харпер.

Рэн обладает какой-то волшебной манерой произносить мое имя. Его акцент смягчает края каждого звука «р», превращая слоги в ласковое рычание, но не это привлекает мое внимание, а слово «пожалуйста». Рэн – наследный принц. Будущий король. Он никогда не умоляет.

– «Пожалуйста» что? – тихо спрашиваю я.

– Пожалуйста, останься.

Он просит меня остаться, но мне кажется, что в его словах скрыт иной смысл. Более глубокий.

В моих мыслях всплывают воспоминания годичной давности. На тот момент мама уже была больна, и рак поразил

ее легкие. Папа проиграл все наши семейные сбережения в попытке сократить те расходы, которые не покрывала страховка. Чтобы достать деньги и рассчитаться с долгами, он сделал выбор, который подверг нашу семью опасности.

Когда мама узнала об этом, она велела нам с Джейком собирать вещи. Папа плакал, сидя за кухонным столом, и умолял ее остаться. Я помню, как мой старший брат запихивал вещи в спортивную сумку, а я сидела на его кровати и смотрела на него широко распахнутыми глазами.

– Все будет хорошо, Харп, – повторял Джейк. – Просто собирай свои вещи.

Хорошо не стало. Ничего из случившегося тогда нельзя было назвать хорошим. В то время мысль об отъезде была невероятно пугающей. Я помню, какое я испытала облегчение, когда мама поддалась и мы остались. *Она* осталась.

Позже, когда дела пошли совсем плохо, я, помнится, жалела о том, что мама смягчилась и не ушла.

Я смотрю Рэну в глаза и задаюсь вопросом, не совершила ли я точно такую же ошибку. Джейк ушел вместе с Греем. В грядущей войне мой брат окажется по другую сторону баррикад.

Я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю.

– Я не хочу сражаться.

Я не говорю о поединке на мечах, и мне кажется, Рэн это понимает. Он кивает.

– Может, тогда прогуляемся?

Я колеблюсь в нерешительности.

– Ладно.

Он предлагает мне взять его под руку, и я соглашаюсь.

Глава 4

Рэн

Моя стража следует за нами по пятам. Рука Харпер едва касается моего предплечья, как будто девушка готова отстраниться от меня в любой момент. Грей любил повторять, что я планирую свои действия на двадцать ходов вперед, и в этом он был прав. Но теперь складывается впечатление, что ни одно мое движение не зависит от меня. Я не могу планировать на двадцать ходов вперед, ведь Лилит в любой момент может изменить свою тактику после второго, третьего или пятнадцатого хода.

Я изнываю от желания рассказать о колдунье Харпер, но в таком случае я многим риску. Мне пришлось хранить секреты более трехсот сезонов, и сейчас я также вынужден держать рот на замке.

– Ты злишься на меня, – тихо говорю я.

Харпер не отвечает, но мои слова и не являются вопросом. Она злится уже несколько недель. Несколько месяцев.

Брусчатая дорожка начинает редеть, плавно переходя в тропинку, ведущую в лес. Я ожидаю, что Харпер решит сократить нашу прогулку и повернет назад, когда мы дойдем до деревьев, но она этого не делает. Мы вступаем в ранний утренний полумрак леса, позволяя тишине окружить нас.

Деревья еще не успели полностью сбросить с себя листву, но вокруг в изобилии кружат красные и золотые листья, устилающая наш путь.

— Когда я оказалась здесь в самую первую ночь, — говорит Харпер, — я скакала по этому лесу и вспотела от жары, а потом всего через секунду содрогалась от холода посреди метели. Именно в тот момент я поверила твоим словам о проклятии.

Я бросаю на нее взгляд.

— А как же музыка, которая играла сама по себе?

— Ну, это было... не так убедительно. Переход от ранней осени к поздней зиме подобен отрезвляющей пощечине. — Харпер ненадолго умолкает. — А потом мы нашли Фрею и детей... — Девушка качает головой.

— А, понимаю. Ты увидела, в каком упадке находится мое королевство, и познала истинную глубину проклятия.

— Нет! Я не это имела в виду.

— Но это правда. Ее не изменить.

Я тоже помню, как мы с Греем скакали через лес в погоне за сбежавшей Харпер и как страшно было мне оттого, что она узнает слишком много. Я провел так много сезонов в Замке Железной розы, что даже не подозревал, насколько трудной стала жизнь моих подданных. Я знал, что они страдают от голода и безденежья, но не осознавал, насколько плохо обстоят дела. Я не думал, что смогу что-то сделать для них, пока не сниму проклятие.

Харпер доказала мне, что я ошибался и что проклятие не мешало мне оказывать поддержку моему народу, а затем она и вовсе сняла его.

Однако Лилит все еще здесь и по-прежнему превращает мою жизнь в ад, но уже другим способом.

Я накрываю ладонь Харпер своей, и девушка тут же поднимает на меня удивленный взгляд. На мгновение мне кажется, что она отдернет руку, но она этого не делает. Харпер позволяет мне проявить эту крошечную вольность, но за ней скрывается так много всего.

Вот именно поэтому Лилит целиком и полностью контролирует меня. Меня одолевает буря чувств, и я с трудом делаю вдох, пытаюсь успокоиться.

– Что-то не так? – спрашивает Харпер.

Все. Но я не могу этого сказать.

– У нас осталось всего шесть недель до нападения Силь Шеллоу, и сколько бы раз я ни пытался придумать план, который гарантировал бы нам победу, мне все равно кажется, что я обречен на поражение.

– Ты думаешь, Грей победит?

Надеюсь, что нет. Я даже представить себе не могу, как поведет себя Лилит, если Грей одержит победу. Я понятия не имею, что в таком случае ждет Эмберфолл.

– Лия Мара однажды пришла ко мне с предложением мира, – говорю я. – Затем Грей присоединился к ней. Он уже начал завоевывать признание моих подданных. Ты знаешь,

что произошло в Глухой Лошине.

Мои стражники пытались поймать Грея, но в итоге им пришлось вступить в битву с горожанами. Грей, очевидно, использовал магию, чтобы исцелить всех тех, кто пострадал в потасовке.

– Они знают, что Эмберфолл все еще слаб. Гредю не обязательно было предупреждать нас об их намерениях.

– Я слышу, что сейчас будет «но».

– Но... одно дело – быть правителем, который хочет мира, и совсем другое – быть подданным, который жаждет мести. Здесь, в Эмберфолле, они могут найти союзников, но я не уверен, что в Силь Шеллоу им удастся найти поддержку. Лия Мара – это всего лишь одна женщина. Грей – один мужчина. – Я смотрю на Харпер. – Как и мы с вами, миледи.

– Думаешь, им будет трудно удержать власть?

– Думаю, что они столкнутся с большим количеством трудностей, независимо от того, выиграют они эту войну или проиграют. Я думаю, что Силь Шеллоу будет нелегко принять тот факт, что власть перешла от Карис Люран, которая оставалась на троне, полагаясь на насилие и страх, к Лие Маре, которая, судя по всему, больше всего ценит сострадание и сочувствие.

Харпер смотрит прямо перед собой.

– Что ж, я тоже ценю эти вещи.

– Я знаю.

Мои слова повисают в воздухе между нами. Харпер наде-

ется, что я скажу, будто тоже ценю эти качества, и я их *ценю*, но не так, как это делает она. Не так, как она хочет, чтобы я их ценил.

Между нами возникает непреодолимая пропасть.

Харпер хмурится, когда я больше ничего не добавляю к своему ответу.

– Думается, сострадание и сочувствие и нам не добавляют союзников.

Я замираю в нерешительности.

– Несмотря на ущерб, который Силь Шеллоу причинило Эмберфоллу, моему народу может быть нелегко оказывать мне содействие, ведь все мои притязания на престол основаны на линии наследования по крови, и Грей меня в этом опережает. К тому же он показал людям, что его магия полезна, а не опасна. Мои же обещания военной поддержки со стороны на поверку оказались пустым звуком.

– Из-за Колумбии, – понимающе кивает Харпер.

– Да.

– И это моя вина.

В ее голосе звучат горечь и сожаление. Я останавливаю Харпер и смотрю на нее сверху вниз.

– Миледи, вы не должны чувствовать себя ответственной за то, что не смогли предоставить нам армию.

Она вздыхает и продолжает идти.

– Ну, я все равно чувствую себя ответственной за это. – Харпер оглядывается на охранников, после чего понижает

голос: – Это же было ложью, Рэн. И теперь все смотрят на меня так, будто я их подвела или будто бы я вообще состою в заговоре с врагом.

– Ваш брат, «наследный принц Колумбии», бежал в Силь Шеллоу вместе с Греем, – говорю я, и не могу скрыть натянутости в своем голосе. – Что еще им остается думать?

Харпер молчит. Ее рука напряженно сжимает мою.

– Это отстой, – наконец говорит она.

– В этом вы правы.

– Так что же мы можем сделать?

Мы. Такое маленькое слово, но от него у меня внутри все сжимается, а в горле образуется комок. Безусловно, я даже этого не достоин. Мне хочется прижать Харпер к себе, уткнуться лицом в ее шею и напомнить себе, что она жива, что она рядом и что она в безопасности.

Но она сердится на меня и на принятые мной решения. Сердится на мой выбор.

Я заставляю себя довольствоваться словом «мы» и тем фактом, что Харпер добровольно держит меня за руку.

Она спросила меня, что я планирую делать. Когда Лилит спрашивала то же самое, я лишь огрызался и медлил. Когда спрашивает Харпер, мне хочется тут же что-то предпринять.

– Многие из моих главных маршалов закрыли границы своих городов, – говорю я. – Похоже, они не желают признавать мое право на престол. Мы смогли подавить восстание в Лунной Гавани, но не без потерь. Я был бы дураком, если бы

считал, что мой народ устраивает положение вещей. – Я перевожу дыхание. – Возможно, нам лучше будет последовать примеру Грея.

– Ты хочешь объявить войну?

– Я хочу просить объединения.

Харпер вздрагивает.

– Ты хочешь вернуться в Лунную Гавань *в такое время?*

Когда мы были там в прошлый раз, ничем хорошим это не кончилось.

Я знаю, что она вспоминает наш первый визит в Лунную Гавань, когда мы угодили в засаду и были бы убиты, не приди Грей нам на помощь.

– А что, если мы подъедем к воротам и тебя пристрелят?

– Не пристрелят, – отвечаю я.

– Как ты можешь быть в этом уверен?

– Потому что я не собираюсь ехать туда. – В моей голове уже начинает формироваться план. – Я намерен пригласить всех сюда.

Глава 5

Харпер

Фрея – моя фрейлина – зашнуровывает на мне платье с корсетом. Его лиф из белого шелка отделан красной строчкой и золотыми люверсами с рубинами. Лиф зашнурован поверх слоя из полупрозрачного красного маркизета, который, словно вода, льется по алым нижним юбкам. Кружева лифа выполнены из золотистого атласа. Вырез платья глубокий и дерзкий, и если я попытаюсь наклониться, то попаду в неловкую ситуацию. В одежде я обычно предпочитаю бриджи и свитера (шерстяные блузоны, как их называет Фрея), но в моем гардеробе также есть десятки потрясающих платьев для особых случаев. Платье на мне – безусловно, самая роскошная вещь, которую мне доводилось носить. И даже мои туфли из красной кожи имеют золотую вышивку по верхним краям каблуков!

Неделю назад Рэн разослал письма всем своим главным маршалам, и с тех пор, как он упомянул о «вечеринке», я не нахожу себе места от беспокойства. Однако мне было приятно почувствовать себя красивой хотя бы пять минут. Как бы я ни старалась не думать о своем внешнем виде, шрам на щеке и хромота были постоянным напоминанием о том, что мне никогда не стать ни красивой в привычном понимании

этого слова, ни грациозной. Я знаю свои сильные стороны, но это не значит, что я при этом забываю о своих слабостях.

В последнее время я задаюсь вопросом, не было ли решение остаться здесь проявлением слабости.

Но куда мне идти? У меня нет возможности вернуться в Вашингтон, и даже если бы была, то что бы я делала дальше? Мы с братом исчезли посреди ночи, столкнувшись с человеком, который направил на нас пистолет. Квартиру нашей семьи, вероятно, сдали кому-то другому, а все наши вещи распродали или выкинули. У меня нет ни удостоверения личности, ни других документов – вообще ничего.

Внезапно я вспоминаю о маме, и мысли о ее смерти выбивают меня из колеи. Мы с Джейком потеряли маму из-за рака. Всего остального мы лишились из-за отца.

Моя грудь сжимается, и я не могу дышать.

– Готово, миледи, – говорит Фрея. – Смотрите.

Она поворачивает меня лицом к зеркалу. Платье заслуживает особой похвалы за то, что при его виде все мои мысли отходят на второй план. На мне оно выглядит лучше, чем на кровати.

– Фрея, – выдыхаю я, – где ты его взяла?

– Оно было сшито по заказу Его Высочества. – Голубые глаза фрейлины встречаются с моими в зеркале, а голос становится тише. – В цветах Эмберфолла.

Я перестаю улыбаться. Это не просто красивое платье. Это политическое заявление.

– Насколько я знаю, он заказал платье и для Зо, – добавляет она, разглаживая мои юбки.

– Неужели?

Она кивает. Фрея на десять лет старше меня, и с тех пор, как я помогла спасти ее и ее детей от нападения солдат Силь Шеллоу, она стала моей фрейлиной в замке. В каком-то смысле она стала для меня приемной матерью. Она знает о Зо и о том, что мы сделали ради Грея. Она знает, как это вбило клин между мной и Рэном, вероятно, испортило отношения между мной и Зо.

Между мной и Фреей тоже могло бы возникнуть напряжение, поскольку я знаю, как она относится к Силь Шеллоу. Солдаты соседнего королевства сожгли дом Фреи и оставили ее и детей замерзать в снегу. Она и ее семья могли бы погибнуть, если бы Рэн не предложил ей место здесь, в замке. Однако в тот вечер, когда Рэн подверг Грея и Тайко пыткам, Фрея была в таком же ужасе, как и я. Она не сказала ни единого дурного слова в адрес Рэна, но я помню, насколько сильно были сжаты ее зубы и каким сбивчивым стало дыхание.

Мне нужно перестать думать об этом. Это все произошло несколько месяцев назад. Я сделала свой выбор. Я осталась.

К тому же Грей вовсе не жертва, поскольку он будет платить той же монетой и ответит жестокостью на жестокость.

– Зачем он заказал платье для Зо? – спрашиваю я.

Зо не собиралась идти на прием. Она не любит находить-

ся в ситуациях, которые напоминают ей, что она больше не входит в королевскую стражу, и ей определенно не нравится находиться в одном помещении с Рэном.

Если он отправил ей платье, то, интересно, как она его приняла? Еще больше мне хочется знать, что означает этот жест. Когда дело доходит до стратегического планирования, Рэн становится гением, но иногда может показать себя безмозглым бараном.

Фрея перебрасывает мои волосы через плечо, поправляя шпильки то тут, то там.

– Ну, я думаю, он надеялся, что она будет присутствовать на приеме вместе с вами. – Фрея ненадолго умолкает. – Возможно, Его Высочество хочет, чтобы рядом с вами был стражник, который не выглядит как стражник. Джемисон сказал, что солдаты встревожены. Ходят слухи, что нападение со стороны Силь Шеллоу может произойти в любой момент.

Я смотрю на Фрею в зеркале.

– Когда ты говорила с Джемисоном?

Солдат стал одним из первых, кто поддержал Рэна и Грея, когда я убедила их покинуть земли Замка Железной розы и начать помогать своему народу. Джемисон был еще одним человеком, который ненавидел Силь Шеллоу после того, как вражеские солдаты лишили его руки и уничтожили большую часть его полка, который базировался в Уиллминтоне. Теперь Джемисон – лейтенант в полку, который стоит непода-

леку, но сам он редко бывает в замке.

— На прошлой неделе я отвела детей навестить Эвалин, — отвечает Фрея. — Мы встретили его на обратном пути. Он был очень любезен и проводил нас обратно в замок.

— О, вот как.

Я не знаю, что сказать. Раньше я проводила много времени со стражниками и солдатами. Я тренировалась вместе с ними. Со мной охотно болтали и сплетничали. Впервые в жизни никто не относился ко мне как к обузе. Впервые в жизни меня не считали ни на что не способной. Я чувствовала себя своей.

Сейчас же каждое мое взаимодействие с кем-то из стражников или солдат сопровождается настороженностью и подозрительностью. Я не осознавала, насколько важным было то чувство единения с другими, пока оно не исчезло.

Теперь единственный человек, с которым я тренируюсь, — это Зо.

Мне приходится откашляться, чтобы избавиться от комка в горле. Жаль, что я не знала о планах Фреи навестить Эвалин, потому что я бы с удовольствием составила ей компанию. Просто для того, чтобы поговорить с кем-нибудь. Но, наверное, мне были бы не особо рады.

Ненавижу все это.

Раздается стук в дверь, и у меня перехватывает дыхание. Это, наверное, Рэн, поэтому я выкрикиваю:

— Заходи!

Это не Рэн. Это Зо. Дверь распахивается, и она входит, одетая в платье бордового цвета. Лиф платья настолько темный, что кажется черным. Шнуровка на корсете же имеет цвет спелой вишни. Мускулистые руки девушки обнажены, а длинные косы спускаются вниз по спине к талии.

– Вау, – говорю я.

Зо улыбается и делает мне реверанс.

– Кто бы говорил.

– Ты не сказала, что пойдешь на прием.

Она слегка пожимает плечами.

– Я... не была уверена, что приду. – Зо разглаживает руками юбки и вздыхает. – Однако было бы глупо оскорблять наследного принца еще раз.

Я хмурюсь.

– Не смотрите на меня так, – говорит она. – Я просто подумала, что, может быть, вам не помешает дружеская поддержка.

Слезы против воли наполняют мои глаза, и я делаю шаг вперед, чтобы обнять Зо. Ее ладони крепко прижимаются к моей спине, но она говорит:

– Вы сейчас испортите всю кропотливую работу Фрей.

– Ты самая замечательная подруга, – говорю я. – Я не заслуживаю твоей дружбы.

Зо отстраняется, чтобы посмотреть на меня, ее глаза внимательно смотрят в мои.

– Нет, заслуживаете.

Фрея делает шаг вперед и начинает втыкать мне в волосы крошечные шпильки в виде белых цветочков. У нее в руках зажаты точно такие же красные, и я жду, что она добавит и их в мою прическу, но Фрея поворачивается к Зо.

– Вот, – говорит она. – Последний штрих.

Зо стоит неподвижно, ее руки все еще нежно лежат на моих руках. В другой жизни мы бы готовились вместе к выпускному балу, а не к балу, который на самом деле является предлогом для создания альянсов в преддверии войны.

Я прерывисто вздыхаю.

Зо не сводит с меня глаз.

– Однажды вы их уже объединили, – тихо говорит она.

– На этот раз у меня нет армий, – шепчу я. – Мне нечего предложить.

Зо смотрит на меня со всей серьезностью, после чего наклоняется и целует в щеку.

– Тогда у вас их тоже не было, принцесса.

Это правда. Почему-то я об этом забыла. Мое дыхание успокаивается.

Когда я впервые оказалась здесь, я знала, что правильно, а что нет. Я рисковала своей жизнью ради этой страны. И Грей тоже, причем в тысячу раз больше. Я не допущу, чтобы кто-то заставил меня чувствовать себя виноватой за помощь людям Эмберфолла. Я также никому не позволю уверить меня в том, что я сделала неправильный выбор, когда помогла Грею.

И сейчас я тоже не должна этого допускать.

Когда мы поворачиваемся к двери, я мельком вижу себя в зеркале. Наши платья вместе выглядят по-настоящему сногшибательно и словно кричат о том, что мы отстаиваем интересы Эмберфолла.

Когда-то Рэн попросил меня стать его союзницей и создать иллюзию альянса перед его народом. Мне нужно было показать всем, что я его поддерживаю. Сейчас же все совсем... по-другому. Я не какой-то там рекламный щит.

Пламя гнева, знакомого и не такого уж нежеланного, разгорается внутри меня, затмевая собой все остальное.

– Подожди, – говорю я, останавливая Зо. – Фрея. – Я развязываю бант на лифе. – Нам обеим понадобятся другие платья.

* * *

Рэн не поскупился на прием, и, учитывая, что он всего неделю назад пригласил всех на эту «вечеринку», я уверена, что обошлось ему это недешево. Призыв к верности Эмберфоллу виден в каждой красной скатерти, в каждом золотом подсвечнике, в массивном гербе, висящем над камином в Большом зале. Музыканты играют в углу живую и яркую мелодию, которая, определенно, подобрана таким образом, чтобы источать уверенность. Двери замка открыты, позволяя ночному воздуху проникать в зал. Стражники стоят че-

рез определенные интервалы; их оружие и доспехи сверкают. Слуги несут нагруженные подносы к столам. Я чувствую запах еды уже на верхней площадке лестницы.

Час еще ранний, так что в зале находится всего несколько десятков человек. Они и окажутся истинными лоялистами. Это великие маршалы и их сенешали из городов, которые уже присягнули в верности Рэну. Это люди, которые хотят, чтобы их заметили первыми, как будто они принадлежат ближайшему окружению принца, хотя сам Рэн еще не соизволил присоединиться к ним. Они также привели с собой свою личную стражу, что не является чем-то необычным, однако толпа вооруженных мужчин и женщин, выстроившихся вдоль стен, не создает гостеприимной атмосферы.

Паж на верхней ступеньке лестницы делает шаг вперед, как будто собирается объявить о нашем прибытии, но я подаю ему знак руками. Мое сердце колотится в груди, и я провожу руками по темно-синим юбкам. Меньше всего мне нужно, чтобы Рэн услышал, как нас объявляют без него. Он разозлится, и я, наверное, спущу его с лестницы.

Я ненавижу, когда ко мне так относятся.

Зо внимательно следит за мной и, как обычно, практически читает мои мысли.

– Нас еще не объявили, – бормочет она. – Мы можем вернуться в ваши покои. Еще есть время надеть платья, которые выбрал он.

– Нет. – Я смотрю на нее и жалею, что не могу читать ее

мысли. – В смысле, мы можем, конечно. Если ты этого хочешь.

Глаза Зо устремлены на меня.

– Я изначально не хотела.

Ее слова заставляют меня улыбнуться. Я сжимаю ее руку и спускаюсь по лестнице. Не будучи объявленными, мы не привлекаем особого внимания. Я уверена, что Рэн знает каждого человека здесь по имени, но я не знаю их всех, особенно людей из более отдаленных городов.

Я замечаю Мику Реннеллса – торгового советника, который видится с Рэном раз в неделю. Он один из наименее искренних людей, которых я когда-либо встречала, и та фальшивая лесть, которую он заливает Рэну в уши, вызывает у меня желание засунуть палец себе в горло и прочистить желудок. Мы с Зо направляемся в противоположном от него направлении к столу, уставленному бокалами, наполненными красным вином и блестящим золотистым шампанским.

Ничего себе.

– Думаешь, кто-нибудь заметит, что мы не одеты в золотые и красные цвета? – шепчу я Зо, и она улыбается. Я беру по бокалу для каждой из нас, и меня так и подмывает осушить свой одним глотком. Затем я оборачиваюсь и оказываюсь лицом к лицу с невысоким мужчиной с обветренной загорелой кожей, седыми волосами и беспокойными голубыми глазами. Если бы я встретила его в Вашингтоне, округ Колумбия, я бы сказала, что он похож на военного пенсионера

из-за своей выправки. Он в хорошей физической форме и держит себя прямо. Его одежда элегантна, но в то же время проста: темный пиджак, застегнутый поверх красной рубашки, штаны из телячьей кожи и высокие начищенные сапоги с потертыми шнурками.

– Миледи, – удивленно произносит он, и его голос звучит грубо и хрипло, но не враждебно. Мужчина отвешивает мне поклон и смотрит мимо меня прежде, чем снова встретиться со мной взглядом. – Прошу меня извинить. Я не знал, что вы присоединились к балу.

Когда он протягивает руку, я принимаю ее и делаю реверанс.

– Я здесь совсем недавно. – Я пытаюсь найти в закромах своей памяти его имя, но у меня не получается. Закусив губу, я напоминаю себе, что это не конец света. – Мне очень жаль, но я не помню, встречались ли мы с вами раньше.

Он слегка улыбается.

– Встречались, но то были другие времена. Я не бывал в Замке Железной розы с тех пор, как Карис Люран была изгнана из Эмберфолла. Меня зовут Конрад Мейкон, и я главный маршал Риллиска.

Риллиск. Я замираю. Риллиск – это то место, где Грей скрывался, чтобы сбежать от своего первородства, а мы в течение долгих месяцев думали, что он мертв.

Выражение лица Конрада тоже становится неподвижным, и наши взгляды снова встречаются.

– Я испытал некоторое облегчение, получив приглашение Его Высочества на сегодняшней вечер. До нас дошли слухи, что Риллиск, вероятно, впал в немилость после того, как... После того, как мнимый наследник был найден скрывающимся в нашем городе. – Он замолкает, и в его голосе проскальзывает едва заметная нотка отчаяния. – Мы всегда были верны Короне, миледи. Уверяю вас, мы понятия не имели...

– Что вы, что вы, – быстро отвечаю я. – Рэн в этом не сомневается.

По крайней мере, я так думаю. Я на это надеюсь.

В глазах мужчины появляется заметное облегчение.

– О. Это обнадеживает. Возможно, слухи в скором времени утихнут. С тех пор как наследник... – Он запинаясь и путается в словах. – Прошу прощения, я хотел сказать, что с тех пор как *мнимый* наследник был схвачен в Риллиске, нам было тяжело вести торговлю, и мы не портовый город...

– Лунная Гавань – портовый город, – перебивает его другой голос, – и у нас такие же проблемы.

Я оборачиваюсь и узнаю Анскома Перри – главного маршала Лунной Гавани. У него густые волосы, грубая бледная кожа и толстый живот, который хочет слишком многого от застегнутого на мужчине пиджака. Мне нравилось дружелюбное поведение маршала Перри, когда мы встретились с ним в Лунной Гавани, но затем он попытался закрыть свои ворота перед Рэном.

Честно говоря, я удивлена, что он здесь.

– Маршал Перри, – спокойным голосом говорю я. – Рада снова видеть вас.

– А я вот не испытываю радости от пребывания здесь, – говорит он с возмущением. – Приглашение подразумевало, что меня привезут сюда силой, если я не явлюсь добровольно. У меня не так много солдат, чтобы ввязываться в конфликты.

Я запинаюсь и смотрю на Зо, но она встречает мой взгляд и слегка качает головой. Она больше не входит в Королевскую стражу. Она не знает, какие именно письма посылал Рэн.

– Я уверена, вы просто не так поняли... – начинаю я.

– Вы уверены? – прерывает меня женский голос.

Это Эрла Вейл. Она маршал... Блин, не помню какого города. Родом она из какого-то северного городка, который находится у подножия гор на границе с Силь Шеллоу. Эрле за семьдесят, у нее густые седые волосы и темно-коричневая кожа. Несмотря на свой возраст, она носит на поясе меч с одной стороны, а с другой – кинжал.

– Вы уверены точно так же, как были уверены, что ваш отец отправит армию, которая поможет защитить Эмберфолл?

– Армия моего отца не потребовалась, – натянуто говорю я. Мое сердце неистово колотится в груди. Я не думала, что маршалы будут себя так вести.

– Эмберфолл победил только благодаря принцессе Харпер, – говорит Зо уверенным голосом.

– Но не без потерь. Возможно, армия вашего отца уже готова оказать помощь Силь Шеллоу, – говорит другой человек. Я даже не вижу, кто именно, потому что вокруг меня роится слишком много людей.

– Верно, – говорит Конрад. – Не изменились ли союзы Колумбии? Ваш наследный принц присоединился к тем монстрам, что живут за горами.

– Возможно, и их принцесса, – говорит маршал Вейл, многозначительно глядя на меня. – Карис Люран, может быть, и мертва, но солдаты Силь Шеллоу убивали людей тысячами...

Я делаю глубокий вдох.

– Я не...

– В какую игру играет Колумбия? – спрашивает другая женщина. – Вы здесь, чтобы отвлечь принца, в то время как войска вашего отца оказывают поддержку Силь Шеллоу?

– Все совсем не так, – говорит Зо низким и напряженным голосом.

– Или, возможно, принцессу Харпер не взяли в расчет во время переговоров, – говорит маршал Перри.

– Да не было никаких переговоров! – огрызаюсь я, но слышу, как кто-то издает насмешливый звук рядом с моим плечом, и двое главных маршалов обмениваются взглядами. Они все начинают тесниться ближе, и я жалею, что не могу

позвать стражу. С тех пор как я помогла Грею, стражники Рэна ясно дают мне понять, что присягали ему, а не мне, и подчиняться моим приказам не будут.

– Почему вас не сопровождает принц? – продолжает маршал Перри.

– Я... Ну... Он... Э-э-э...

– Миледи, – мягко произносит принц Рэн у меня за спиной, и я вздрагиваю.

Люди, окружающие меня, отступают так быстро, что кажется, будто их кто-то оттащил.

– Ваше Высочество, – говорят они. Мужчины кланяются. Дамы делают реверансы.

Рэн игнорирует их всех, и его глаза встречаются с моими. Он делает шаг вперед, чтобы взять мою руку и поцеловать костяшки пальцев, но я ничего не могу прочесть по его лицу.

– Простите меня, – говорит он, используя мою руку, чтобы притянуть меня ближе. Его голос теплый и низкий, такого я не слышала от него уже... давно. – Я не думал, что так задержусь.

Я сглатываю.

– Ты прощен.

Он поворачивается лицом к людям, держа мою руку в своей.

– Вечер еще только начинается. Может быть, мы проведем часок-другой, наслаждаясь обществом друг друга прежде, чем начнем спорить о политике? – Он кивает слугам, рас-

ставляющим еду на столах. – Или, по крайней мере, подождем, пока подадут ужин. Будет жаль, если такие изысканные блюда никто не отведают. Камердинер Энском в углу разливает сладкий шприц. Я знаю, вы любите пропустить бокал вместе с моим отцом.

Маршал Перри из Лунной Гавани откашливается.

– А... да. Конечно, Ваше Высочество.

Рэн кивает маршалам, потом смотрит на меня.

– Вы готовы, миледи?

К чему готова? Однако Рэн спас меня, и он не ведет себя как баран, поэтому я киваю.

– Да, конечно.

Он поворачивается, чтобы начать идти. Его шаг ленивый и беспечный. Я смотрю на него снизу вверх.

– Куда мы идем?

Он притягивает меня ближе и немного наклоняется, его губы касаются моего виска, и из-за этого я краснею и вздрагиваю. Это было очень неожиданно. Я и забыла, что Рэн может быть таким. О платье он тоже не сказал ни слова.

Затем он говорит:

– Танцевать.

Я едва не спотыкаюсь на ровном месте.

– Подожди. Рэн...

– Тсс.

Он выводит меня на мраморный пол, и его рука ложится мне на талию. Нас окружают десятки людей, многие из ко-

торых только что обвинили меня в предательстве. Я не ожидала, что они окажутся... *такими*. Мне не хочется танцевать перед ними, как будто бы меня совсем не задели их слова. Однако мне также не хочется устраивать еще одну сцену.

– Ненавижу танцевать, – шепчу я.

– Я знаю, – Рэн поворачивается ко мне лицом, и его рука находит мою.

– А еще я ненавижу, когда меня втягивают в политические игры без предупреждения. Но вот мы здесь.

Мои губы складываются в прямую линию, но теперь музыка звучит медленнее, и я уже не так безнадежна, как раньше. Я позволяю ему вести меня в танце.

– Ты злишься.

– Вы так считаете? – спрашивает он с напускным дружелюбием.

– Угу.

– А я-то думал, что скрываю это весьма умело. – Он умолкает и смотрит мне в глаза. – Вы хотите, чтобы мы поругались с вами прямо здесь, миледи?

Я изучаю Рэна, пытаюсь понять, что с ним происходит. Какая-то часть меня рада тому, что он злится, что я не одна здесь борюсь с обидой. Какая-то часть меня в то же время безмерно печальна. Мне как будто бы хочется ударить его по лицу, а потом убежать, рыдая.

– Если вы ищите ссоры, – продолжает Рэн, – то лучше бы вы выразили мне свое недовольство с глазу на глаз, а не

демонстрировали его всему Эмберфоллу.

Я хмурюсь и отвожу взгляд. Рэн может делать вид, что у него хорошее настроение, но я не могу. Музыка разливается по залу, и я вспоминаю тот вечер, когда он учил меня танцевать на краю обрыва в Лунной Гавани. Когда я сказала ему: «Я хочу знать, что все по-настоящему», он тоже хотел, чтобы это было так. В течение долгого времени я чувствовала, что так оно и есть, но потом я начала сомневаться в себе. Сомневаться в нем.

Когда я ничего не отвечаю, голос Рэна становится осторожным:

– Вам не понравилось платье, которое я для вас выбрал? – Он умолкает, а затем в его голосе появляется едва заметный намек на раздражение. – Или же ваши наряды не понравились Зо?

– Они не понравились мне, – говорю я. – Если ты злишься на меня, не срывайся на ней.

Он смотрит на меня с недоумением.

– Вы думаете, что я издеваюсь над ней?

– Я думаю, что ты делаешь все, что захочешь. – Его рука сжимает мою, и он поворачивает меня в танце немного резче, чем это необходимо.

– Я был более чем справедлив к Зо.

Его слова правдивы, и я отвожу взгляд.

– Понятно.

Он молчит, но я чувствую напряжение в его теле. Никто

из гостей пока не осмелился войти потанцевать. Вероятно, они тоже чувствуют настроение Рэна.

– Я не хочу быть пешкой, – натянуто говорю я. – Это платье делало меня похожей на нее.

– Мне так не кажется.

Он, вероятно, хотел сделать мне комплимент, но в его словах звучит пренебрежение.

– Во всяком случае, я чувствовала себя именно так. – Я сглатываю, и в моем горле образуется комок. – Поэтому я попросила Фрею подобрать мне другое платье.

Рэн делает глубокий вдох, и я добавляю:

– Только не срывайся на нее.

Он не отворачивается от моего взгляда.

– Я никогда не срывался на ваших друзей, миледи. И я ни в коем случае не буду считать их ответственными за ваши действия.

– Это угроза? – вызывающе спрашиваю я.

Рэн удивленно моргает.

– Что? Нет. Я не...

– Грей всю жизнь делал все, что ты требовал, а тогда, когда он впервые пошел тебе наперекор, ты повесил его на стену.

Рэн отшатывается от меня, как будто я его ударила. Мы больше не танцуем. Внезапно между нами возникает ледяная стена. Музыка продолжает литься по залу, но мы просто неподвижно стоим в центре. Толпа затаила дыхание, и в воздухе повисло тяжелое напряжение.

Я тоже не могу дышать.

Не могу поверить, что я только что сказала.

До тех пор, пока слова не слетели с моих губ, я даже не могла признаться себе в этих опасениях.

Взгляд Рэна мог бы разрезать сталь. Я ему в этом не уступаю.

Рядом со мной появляется Зо.

– Миледи, – мягко произносит она. – Есть дело, которое требует вашего внимания.

Мое тело словно окаменело. Рэн не сдвинулся с места. Я не могу дышать. Наверное, я могла бы дать ему пощечину, и мы бы привлекли меньше внимания.

Возможно, Рэн прав и мне следовало бы поговорить с ним наедине. Но я не могу забрать свои слова обратно. Я не могу отрицать того, что было только что сказано.

Я хватаюсь за юбку и делаю реверанс.

– Ваше Высочество.

Не дожидаясь ответа, даже не оглянувшись, я покидаю зал.

Глава 6

Рэн

Я и забыл, что она может быть такой.

Прямо сейчас я так зол, что мне хочется послать Лилит к черту, сказать, чтобы она перенесла Харпер обратно в Вашингтон, округ Колумбия, и я был бы рад этому. Я остался в одиночестве посреди зала, и хотя наши слова не были достаточно громкими, чтобы их могли слышать другие, было понятно, что мы поссорились. Как бы я не был недоволен Зо, я рад, что она увела Харпер прежде, чем мы успели сказать что-нибудь еще. Дастан пересекает зал и останавливается передо мной.

– Милорд.

Он стал командором моей стражи с тех пор, как пропал Грей. Дастан сильный, компетентный и ко всему прочему – всеобщий любимец. Он служил в частной армии на западе до того, как я начал набор новой стражи. Дастан одним из первых присягнул мне. Там, где Грей оставался сдержанным и отстраненным, Дастан был веселым и разговорчивым. Он завоевал доверие своих подчиненных.

Когда я находился в отчаянии, Дастан стал идеальным кандидатом в начальники стражи.

Тем не менее, несмотря на то что он беспрекословно под-

чиняется моим приказам и прекрасно исполняет то, о чем я его прошу, иногда мне хочется, чтобы он делал то, о чем я его *не прошу*.

Грей не позволил бы Харпер войти в зал без меня.

Грей вмешался бы в нашу ссору раньше Зо.

Грей бы...

Мне нужно перестать думать о Грее. Его больше нет рядом. Он мой враг.

Ты повесил его на стену.

Эти слова, как кинжал, вонзаются мне в грудь, и мне трудно дышать. Жаль, что Дастан не принес мне бокал сладкого шприца. Грей, вероятно, тоже не принес бы, но хотя бы догадался дать нужное распоряжение слуге.

– Следуй за ней, – говорю я ему.

Дастан хмурится в недоумении.

– Милорд...

– Следуй за ней, – повторяю я. В замке полно людей, чьи мотивы и преданность слишком туманны. Харпер только что превратила меня в мишень. И себя тоже. – Обеспечь ее безопасность. Убедись, что она не покинет территорию замка.

– Вы думаете, она попытается сбежать?

Я помню, сколько раз нам с Греем приходилось гоняться за ней в первое время.

– Я бы больше удивился, если бы ей захотелось остаться здесь. – Я отворачиваюсь.

Дастан все еще не двигается с места.

– Но...

Я оборачиваюсь, и, должно быть, мой ледяной взгляд отвечает на все его вопросы, потому что Дастан кивает мне и говорит:

– Так точно, милорд. Сию минуту.

Грей не стал бы медлить.

Наконец ко мне подходит слуга с подносом, и я хватаю бокал вина. Мне требуется вся моя выдержка, чтобы не осушить его залпом. Я выпиваю половину.

Ко мне подходит один из главных маршалов – Конрад Мейкон из Риллиска. Из-за удаленности его города от Замка Железной розы я не очень хорошо его знаю, но это не проблема. Хорошо знакомые мне главные маршалы либо живут поблизости, либо были в ссоре с моим отцом.

Конрад быстро реагировал на любую просьбу с тех пор, как Грей был схвачен на его территории. И сегодня вечером главный маршал Риллиска присутствует здесь, откликнувшись на мое приглашение.

– Прошу извинить меня, – примирительно говорит он. – Я не хотел поставить принцессу в затруднительное положение.

– Мы все сейчас находимся в затруднительном положении, – отвечаю я. – Вы ни в чем не виноваты.

Конрад, судя по всему, испытывает облегчение от моих слов.

– О... Да, милорд. Я с вами согласен. – Он медлит в нерешительности прежде, чем продолжить. – Насколько мне из-

вестно, вы готовите армию к новому нападению со стороны Силь Шеллоу.

Я опустошаю бокал до дна.

– Да.

– У Риллиска, как вы знаете, есть небольшая частная армия, – говорит он. – Я знаю, что вам пришлось вступить в... конфликт с Лунной Гаванью. Я поговорил с главным маршалом Терновой Долины, и мы полагаем, что, объединив наших солдат, мы сможем создать внушительное войско на западе, которое, возможно, будет достаточно большим, чтобы помешать любым другим городам попытаться перейти под власть мнимого наследника.

Мои мысли все еще спутаны из-за того, что сказала мне Харпер, но слова Конрада привлекают мое внимание.

– Вы полагаете, вашей военной мощи будет достаточно, чтобы противостоять Лунной Гавани?

– Ну, у маршала Болдрика есть на службе женщина, которая смогла получить информацию от солдат Силь Шеллоу.

– Шпионка, – говорю я.

Конрад морщится.

– Скорее, наемница. – Он понижает голос. – Насколько я понимаю, ее услуги не из дешевых. Однако ей удавалось проникать во вражеские войска и раньше, и тем самым она спасала Терновую Долину от многих бед.

Если у меня и есть что-то в арсенале, так это серебро. В Эмберфолле прошло пять лет без особой деятельности со

стороны королевской семьи, и я практически не потратил ни единого медяка. Деньги – одна из причин, по которым Силь Шеллоу так отчаянно пытается захватить власть.

– Пускай маршал Болдрик организует мне встречу с этой наемницей, – говорю я. – Если ее время дорого стоит, то я готов заплатить за него. Мне хотелось бы узнать о ее деятельности подробнее и из первых уст.

– В организации встречи нет необходимости, – говорит Конрад. – Она пришла сюда вместе с ним.

* * *

Чесли Дарингтон моложе, чем я ожидал: ей около двадцати пяти. У нее темные волосы до талии, оливковая кожа и расчетливые серые глаза. По ее щеке тянется шрам, похожий на шрам Харпер. Он начинается с середины щеки и заканчивается над ухом, где вместо волос белеет узкий рубец. В отличие от остальных женщин на балу Чесли одета в брюки из черной телячьей кожи, ботинки со шнуровкой и тонкую тунику темно-фиолетового цвета. Она вооружена лучше, чем большинство королевских стражников. Когда наемница присоединяется к нам за стоящим в углу столом, я замечаю, как несколько моих стражников перемещаются ближе ко мне.

Маршал Болдрик и маршал Мейкон сидят за столом, потягивая вино из бокалов. Оба выглядят самодовольно, потому что им есть что предложить Короне. В другой жизни я мог

бы пренебрежительно отнестись к их злорадству, но сегодня мне нужно, чтобы другие завидовали им. Я хочу, чтобы люди искали моей благосклонности. Мне нужен Эмберфолл, чтобы выстоять против Грея. Он уже успел завоевать расположение многих северных городов, а я нахожусь на грани военного конфликта с Лунной Гаванью. Это чудо, что маршал Перри вообще появился в замке сегодня вечером.

Как жаль, что Харпер покинула бал в гневе. Как жаль, что ее нет рядом со мной.

Я провожу пальцем по ножке бокала и отрываюсь от своих раздумий, чтобы вернуться к насущному вопросу.

– Итак, вы говорите, что у вас есть информация о военных делах Силь Шеллоу? – спрашиваю я у Чесли.

– Не только об их военных делах, – холодно отвечает она. – Я могу пересечь границу в любое время по своему желанию и узнать все, что угодно.

Я хмурюсь.

– Каким образом?

– Я говорю на сишшальском. Я знакома с их обычаями, и меня принимают за местную.

Я облакачиваюсь на стол.

– С чего вдруг?

– Я там родилась.

Главные маршалы за столом обмениваются взглядами, однако Болдрик откашливается и добавляет:

– Чесли предана Эмберфоллу.

Я не свожу с девушки глаз.

– Почему?

– Потому что королева Силь Шеллоу убила мою семью.

Ее голос звучит спокойно и невозмутимо, а взгляд остается бесстрастным. Однако некогда я был монстром, зачарованным колдуньей, и убил свою семью. Когда я говорю об этом, мой голос звучит так же. Я знаю, сколько гнева, отчаяния и боли может скрываться за парой бесстрастных глаз.

– Когда армия Силь Шеллоу впервые перешла через горный перевал, – продолжает она, – я удивилась, что так легко смогла затеряться в их рядах. Мало кто в Эмберфолле говорит на сишшальском, и еще меньше людей могут без страха подойти к солдатам Силь Шеллоу после всего того, что они делали. Смелых женщин здесь встретить сложно, но для Силь Шеллоу они не редкость.

– И вам позволяют пересекать границу? – уточняю я. – Вот так просто?

Чесли одаривает меня мрачной заговорщицкой улыбкой.

– Там меня считают шпионкой.

Я не улыбаюсь ей в ответ.

– Откуда мне знать, что это не так?

– Откуда вам знать, что это так? – Она бросает взгляд на главных маршалов, сидящих за столом, затем снова смотрит на меня. – Я так понимаю, ваша... *принцесса* из Колумбии не предоставила те военные силы, которые были обещаны, а королевская семья Эмберфолла погибла, находясь под про-

текцией короля Колумбии. Возможно, это *она* шпионка.

– Я думал, мы сейчас обсуждаем то, что *вы* можете предложить, – говорю я.

– Так и есть, – кивает она. – Могу заверить вас, я говорю только правду.

– Докажите.

Она откидывается на спинку стула и отпивает вина из бокала.

– Я работаю за деньги, Ваше Высочество. Девушка не должна голодать.

Она очень прямолинейна. Я понимаю, почему у нее не возникло проблем с ассимиляцией в Силь Шеллоу. Я привык к завуалированным деликатным разговорам с людьми, которые сидят за столом, поэтому дерзость Чесли кажется мне едва ли не глотком свежего воздуха.

– Пятьдесят серебряных, – с легкостью предлагаю я.

Она улыбается.

– Двести.

Маршал Мейкон фыркает от смеха, кто-то чертыхается себе под нос, но я не улыбаюсь.

– Вы, должно быть, очень голодны.

Ее глаза вспыхивают.

– Вы даже не представляете, насколько сильно.

– Пятьдесят, – повторяю я.

Ее брови взлетают вверх.

– Вы не собираетесь торговаться?

– Пока нет.

Она внимательно смотрит на меня в течение долгого времени.

– В трех-четыре днях пути на северо-запад отсюда есть узкий проход через горы. Он недостаточно широк, чтобы провести через него целое войско, но этот проход не охраняется.

Я выпрямляюсь.

– И?

– И при этом проход достаточно широк, чтобы пропускать небольшие отряды солдат за один раз. После того как солдаты Силь Шеллоу уничтожат многие из ваших небольших приграничных городов, они могут начать разбивать лагерь внутри Эмберфолла. – Чесли выдерживает многозначительную паузу. – Без всякого предупреждения.

Я замираю.

– Это уже началось?

Она пожимает плечами и делает глоток вина.

Я прищуриваюсь, глядя на нее.

– Я мог бы выяснить все сам, послав разведчиков.

– Могли бы, только это займет у вас неделю, и, возможно, ваши разведчики вообще не вернутся. – Она осушает свой бокал и улыбается. Ее улыбка выглядит искренней, и ее лицо больше не кажется просто расчетливым. – Вы считаете, что это не стоит еще ста пятидесяти серебряных сверху, Ваше Высочество?

Нет, не считаю.

– Готов заплатить сто сейчас, – говорю я ей. – И еще сто после того, как проверю достоверность ваших слов.

Брови наемницы взлетают вверх.

– Вы все равно хотите рисковать своими людьми?

– Я лучше рискну несколькими из них сейчас, чем рискну всей своей армией, поверив вам на слово. – Я перевожу дыхание. – А теперь рассказывайте.

– Солдаты Силь Шеллоу уже разбили лагерь на западной стороне Черногорья, как раз у подножия гор.

Главные маршалы открывают рты от удивления. Я – нет.

– Сколько их?

– Не меньше тысячи.

Черт побери, в моей стране дислоцируется тысяча вражеских солдат, а я об этом понятия не имею. Мне становится не по себе. Грей предупреждал меня. Даже *Лилит* предупреждала меня. Я отказывался в это верить.

Я едва сдерживаю дрожь и бросаю взгляд на одного из своих стражников.

– Найти генерала Лэндона.

Стражник коротко кивает мне и быстро уходит. Я снова смотрю на Чесли.

– Я заплачу вам серебром и проверю достоверность вашей информации. Если вы говорите правду, возвращайтесь в Замок Железной розы через неделю, и я заплачу вам оставшиеся деньги.

Чесли не двигается.

– Я могу рассказать вам не только о солдатах, Ваше Высочество.

– А что еще?

На ее лице появляется недоумение.

– Существует разница между голодом и жадностью, – замечаю я.

– Неужели? – невинно спрашивает она.

– Сто пятьдесят сейчас.

Она колеблется, и я вижу, как она взвешивает, стоит ли со мной еще торговаться. Я никогда не вел торги с наемниками, однако мне доводилось видеть, как это делал мой отец. Я знаю по опыту, что как только ты установишь определенную цену, то в следующий раз наемники будут требовать больше. Сегодня я не собираюсь называть ей цену ни медяком больше, и, вероятно, мое выражение лица дает ей это понять.

– В Силь Шеллоу образовалась фракция, – говорит она. – Многие боятся магии. Они не хотят иметь с ней ничего общего. Существуют архивные записи о колдунах и о том, на что они способны и какие имеют слабости. Достаточно много людей выступает против королевы и ее альянса с колдуном.

Я застываю.

– Вы тоже состоите в этой фракции?

– Возможно.

– И какие же у колдунов есть слабости?

– Я слышала, что магия может быть привязана к конкрет-

ной разновидности стали, которую выковывают в ледяных лесах Ишелласы. Эта сталь может быть закалена таким образом, чтобы впитывать в себя магию или чтобы наносить раны, которые нельзя исцелить при помощи магии. Многие из подобных артефактов были утеряны с течением времени, но некоторые до сих пор можно отыскать в деревнях Силь Шеллоу, где когда-то жили колдуны.

– Вздор! – возмущенно восклицает один из главных маршалов за моей спиной.

Нет, это не вздор. Грей как-то носил серебряный браслет, который Лилит надела ему на запястье. Этот браслет позволял ему пересекать завесу между мирами и оказываться в Вашингтоне, округ Колумбия.

Я понятия не имею, куда пропал тот браслет, но я знаю, что подобные артефакты – не миф.

Мое дыхание становится поверхностным, а мысли разбегаются во все стороны. Существует ли оружие, способное навредить Лилит? Неужели решение всех проблем все это время находилось в Силь Шеллоу?

– До меня дошли слухи об одном таком оружии, – говорит Чесли. Она пожимает плечами. – Несомненно, существуют и другие.

– Это оружие можно использовать против лженаследника, – слышу я за спиной шепот одного из главных маршалов.

«Нет, – думаю я. – Это оружие можно использовать против Лилит».

Дело рискованное. У меня нет никаких доказательств этих слухов. Никакой уверенности. Не то чтобы я могу спросить саму Лилит, правда ли все это. Мне хочется оглядеться вокруг, как будто она могла сейчас подслушивать этот разговор.

Мне приходится прочищать горло прежде, чем заговорить вновь.

– Не могли бы вы добыть такого рода оружие?

Глаза Чесли вспыхивают.

– Это будет дорого стоить.

– Я готов заплатить ту цену, которую вы назовете.

Глава 7

Харпер

Солнце село несколько часов назад, и конюхи уже давно легли спать. Вокруг меня стоит звенящая тишина, но я не имею ничего против нее. Тишина означает, что я здесь одна. Я не совсем уверена, куда направляюсь, но на этот раз я не тащу Зо за собой. Я отправила ее в комнату, заверив, что отправлюсь к себе.

Вместо этого я теперь стою в конюшне в платье для верховой езды. Я надеваю седло на Железного Уилла за три минуты, а еще через одну я уже сижу на нем верхом. Я, правда, не знаю, куда направляюсь, но мне хочется быть где угодно, лишь бы не здесь. Слегка подстегнув коня, я направляю его к выходу из конюшни.

Внезапно из ниоткуда появляется рука и хватает поводья.
– Тпру! – кричит мужской голос.

Уилл пугается, разворачивается и встает на дыбы. У меня перехватывает дыхание, и меня наклоняет в сторону. Конь перебирает ногами, и его железные подковы громко стучат по булыжникам. Я пытаюсь сохранить равновесие, но понимаю, что вот-вот упаду на землю. *Это будет больно.*

Однако меня подхватывают чьи-то руки, которые не позволяют мне рухнуть о камни.

Сейчас темно, а половина королевства ненавидит Рэна. Именно поэтому я начинаю кричать и брыкаться. Моя рука нащупывает кинжал на поясе.

– Миледи! – раздается голос Дастана. – *Миледи!*

Меня грубо ставят на землю.

Я пытаюсь поправить плащ и отбросить от лица непослушные волосы. Мое дыхание прерывистое, и в воздухе с каждым новым выдохом появляется белое облачко пара. Какой-то стражник держит поводья Уилла. Конь гарцует на месте, потряхивая головой.

Я раздраженно смотрю на Дастана. Я старательно игнорировала его в течение нескольких месяцев с тех самых пор, как он стал соучастником того, что Рэн сделал с Греем. Именно Дастан сообщил Зо о том, что она освобождена от своих обязанностей. С тех времен он превратился из человека, которого я считала своим другом, в человека, которого я ненавижу.

Мое сердце все еще бешено стучит в груди.

– У тебя с головой вообще все в порядке?

Дастан выглядит не более радостным, чем я.

– Его Высочество приказал мне убедиться в том, чтобы вы не покидали территорию замка.

О, НЕУЖЕЛИ?

Я тяжело дышу, мои мысли полны желчи. Теперь Дастан преграждает мне путь, и будто готовится к тому, что я ударю его или убегу.

Мне нравятся обе идеи.

– Верни мне мою лошадь! – выкрикиваю я.

Дастан выглядит обиженным.

– Мне было приказано удерживать вас на территории замка и защищать.

– Я все еще на территории, и со мной все хорошо. – Я делаю шаг вперед и протягиваю руку к поводьям, но Дастан опережает меня.

– Если вы вынудите меня, я буду выполнять приказ, заперев вас в ваших покоях.

Я притворно ахаю.

– Да что ты говоришь? Как благородно!

Он игнорирует мой язвительный тон.

– Разве Грей не поступил бы так же?

Я замираю. Я вспоминаю, как мы с Рэном спорили и я вытащила кинжал в порыве гнева. Грей выхватил меч, чтобы остановить меня, и Рэн сказал: «Он отрубит вам руку, если я ему прикажу». Когда я спросила об этом у Грея, он ответил: «Я просто выполняю приказы, миледи, и вовсе не желаю вам зла».

В текущей ситуации Грей поступил бы так же. Это несколько охлаждает мой пыл.

Я хмурюсь и иду вперед. Дастан делает шаг, чтобы преградить мне путь. Я стискиваю зубы.

– Я просто хочу снять седло, – мрачно говорю я. – Если ты не возражаешь.

Он внимательно смотрит на меня, потом отступает в сторону. Я выдергиваю поводья из рук другого стражника, затем нежно провожу ладонью по щеке Железного Уилла. Он фыркает и взмахивает хвостом, выражая свое недовольство.

Как бы мне хотелось быть ловкой и гибкой, и как здорово было бы обладать навыками, которые позволили бы мне вскочить на спину Уилла и галопом ускакать отсюда, попутно втоптав Дастана в пыль. Однако я не могу так поступить, а если все же попытаюсь, то Дастан наверняка потащит меня в замок и запрет в моей комнате.

Вернув Уилла в стойло, я ослабляю подпругу и снимаю седло со спины коня. Я не в тюрьме, но все равно чувствую себя пленницей.

Я откладываю седло и беру щетку, которой начинаю вычесывать мягкую шкуру Уилла. В какой-то момент Дастан отдает другим стражникам приказ стоять снаружи конюшни, а сам встает у стены через проход.

Я игнорирую его, сосредоточившись на Уилле, и вокруг воцаряется тишина. Мой гнев нарастает, желая найти конкретную цель и делая меня напряженной и беспокойной. В стойло пробирается холодный ветерок, и я пытаюсь справиться с дрожью, прижимаясь ближе к коню. Это не помогает, и я дрожу сильнее, судорожно втягивая воздух сквозь зубы.

– Миледи, – окликает меня Дастан, появляясь за моей спиной, но я не оборачиваюсь.

– Отойди от меня.

– Если вам холодно, то возвращайтесь в замок.

– Не хочу.

Дастан ничего не говорит, и мне интересно, остался ли он стоять за моей спиной или же вернулся на свое место. Я не могу понять, веду ли я себя с ним грубо или же это он ведет себя как козел, но, честно говоря, мне все равно. Я перестаю вычесывать Уилла и прижимаюсь лбом к его шее, вдыхая запах сена и конюшни. От животного веет знакомым теплом. Когда я только попала в этот мир, именно Уилл стал моим постоянным источником утешения.

Теперь я знаю, что когда вы исчезаете, то стоит в первую очередь проверять конюшни.

Грей сказал мне это на второй день моего пребывания в Эмберфолле. Мои глаза против воли наполняются слезами, а в горле образуется комок. Я лишилась матери из-за рака, а потом друга, когда Грей сбежал, а теперь я осталась без брата, когда он отправился на помощь моему другу.

А я застряла здесь, как идиотка, потому что верила в Рэна. Потому что верила в Эмберфолл.

Я сглатываю слезы и делаю это тихо, потому что не хочу, чтобы Дастан видел, что я вот-вот расплачусь. Я снова вздрагиваю от холода и обхватываю себя руками.

Дастан вздыхает. Мгновение спустя его плащ падает мне на плечи.

Я поворачиваюсь, и я уверена, что в моих глазах пылает

гнев, потому что Дастан поднимает ладони в примирительном жесте.

– Вам не обязательно мерзнуть, чтобы досадить мне.

Плащ теплый, и мне хочется швырнуть вещь Дастану обратно, но это кажется мелочным. К тому же я правда замерзла.

Я прогоняю слезы, готовые пролиться, после чего снова провожу щеткой по шкуре жеребца, надавливая на нее чуть сильнее, чем необходимо.

– А тебе не обязательно притворяться добрым.

Дастан на мгновение замолкает.

– Я слышал, что вы сказали Его Высочеству в Большом зале.

– Я за тебя рада.

Я уверена, что меня слышали все присутствующие.

– Вы действительно считаете, что Его Высочество так поступил с Греем и Тайко по каким-то личным причинам? Вы думаете, он пытался таким образом осуществить своего рода... возмездие?

– Я не хочу с тобой разговаривать, Дастан.

– И вы думаете, что если бы я отказался подчиняться, то принц изменил бы свое решение? – Он выдерживает паузу. – Или же вы думаете, что он бы для начала меня разжаловал, а уже потом отдал этот приказ кому-то другому?

Щетка по-прежнему скользит по плечу Уилла.

– Вы думаете, – продолжает Дастан, – что *Грей* не стал бы

подчиняться подобному приказу, если бы его получил?

Нет, он бы подчинился. Я с трудом сглатываю комок в горле.

– Последние слова Грея перед исчезновением, – говорит Дастан мне в спину, – были клятвой колдунье, которая чуть не уничтожила Эмберфолл. Вы можете винить Его Высочество за принятые им меры, и вы можете винить меня за то, что я следовал его приказу. Однако если бы Грей тогда просто сказал правду...

– Пожалуйста, хватит. – Глупая слеза скатывается по моей щеке.

Я не хочу, чтобы Дастан был прав, но он прав. Грей позволил мне увидеть проблески того, каким нежным и добрым человеком он мог быть, но существовали причины, по которым я считала его устрашающим первое время.

И как бы мне ни хотелось в этом признаваться, но у Рэна были причины любыми способами пытаться получить ответы на свои вопросы.

Грей не поддался уговорам. Я умоляла его рассказать Рэну все, что он знает. Я умоляла его, но он отказался. Я не знаю, была ли причиной его молчания гордость или что-то еще, что ему вбили в голову, пока он служил в Королевской страже, но так или иначе, он держал язык за зубами до последнего.

Рэн не мог остановиться, пока не получил нужный ответ. И вот теперь весь Эмберфолл в опасности.

Я делаю глубокий вдох и медленный выдох. Наконец я поворачиваюсь и смотрю на Дастана. Он стоит у входа в стойло, прислонившись к косяку.

– Я все еще ненавижу тебя, – говорю я.

– Я знаю, миледи. – Выражение его лица непроницаемо. Интересно, ненавидит ли он меня?

Однако напряжение между нами несколько ослабевает. Несильно, но я все равно это чувствую. Между нами нет притворства или каких-то скрытых мотивов. Мы можем не нравиться друг другу в данный момент, но мы понимаем друг друга.

Я бы хотела, чтобы с Рэном все было так же просто, но это невозможно. Одно дело понять, почему Дастан последовал приказу и почему Рэн отдал его. Совсем другое – понимать последствия этого приказа и знать, что пытали не какого-то преступника, а *Грея*.

Мои бурные мысли будто бы призывают Рэна. Главные двери конюшни распахиваются, и он проходит внутрь. Дастан немедленно встает по стойке «смирно».

Я снова поворачиваюсь к коню.

– Бал так быстро закончился?

Какое-то время Рэн молчит, затем отдает приказ:

– Командор, оставь нас.

Я слышу, как Дастан тихо уходит, и мы остаемся наедине. Я провожу щеткой по шкуре Уилла. Рэн, должно быть, подходит к двери стойла, потому что конь перемещает свой

вес и поворачивается, заставляя тем самым меня сделать шаг назад. Жеребец прислушивается и вытягивает шею, чтобы выдохнуть горячий воздух в ладонь Рэна.

Предатель.

Рэн проводит рукой по морде коня.

– Странно, что я не нашел вас в десяти километрах отсюда.

– Ты приказал Дастану удерживать меня здесь силой.

– Половина Эмберфолла готова выступить против меня, судя по всему. Силь Шеллоу готовится к нападению. – Рэн делает паузу, и его голос становится тише. – Вы, безусловно, знаете, что я приказал ему удерживать вас здесь для вашей же безопасности, а не в качестве пленницы. – Еще одна пауза. – Особенно после того, как вы продемонстрировали моим главным маршалам, что мы с вами расходимся во мнениях.

Я молчу. Каждый мускул в моем теле напряжен, ожидая, когда Рэн, наконец, сорвется и продолжит ссору, которую мы начали в зале.

Но... Он этого не делает.

Проявление терпения у Рэна всегда застает меня врасплох. Он всегда ждет, что остальные будут делать все по его команде. Тем не менее Рэн намного сильнее в те моменты, когда ничего не приказывает и не требует, а просто... ждет.

Я снова принимаюсь вычесывать шкуру Уилла, наблюдая за каждым движением своей ладони и находя утешение в тепле жеребца и монотонности действия.

В конце концов мои плечи расслабляются. Мне больше не кажется, что мир вокруг вот-вот рухнет.

– Прости меня, – тихо говорю я и, произнеся эти слова, понимаю, что они сказаны от чистого сердца. – Мне не следовало говорить тебе все это... Там.

– Я не заслуживаю прощения, – отвечает Рэн, и его голос по-прежнему звучит спокойно и тихо. – На самом деле это я должен перед вами извиняться.

Когда я ничего не говорю в ответ, Рэн добавляет:

– Вы все еще злитесь на меня. Я склонен полагать, что между нами слишком много недосказанного.

Я смотрю на него, но он не сводит глаз с Железного Уилла, который прижался головой к груди Рэна. Рука принца лежит на щеке животного, и его длинные пальцы гладят шкуру коня в углублении под нижней челюстью. Это напоминает мне тот день, когда Рэн был существом, созданным магией Лилит, монстром, стремящимся уничтожить все на своем пути. Он никогда никого не слушал в своей чудовищной форме, никогда никого не узнавал – даже Грея. Однако ради меня он успокоился. В облике чудовища Рэн был по меньшей мере три метра ростом, наполовину драконом, наполовину конем. У него были клыки и когти, его чешуя и перья переливались люминесцентными цветами. Я думала, что он убьет нас всех, но он положил голову мне на грудь и обдал теплым дыханием мои колени. Это воспоминание настолько живое, что у меня перехватывает дыхание. Я снова смотрю на Же-

лезного Уилла.

– Миледи? – окликает меня Рэн.

Я слегка качаю головой.

– Что... – Мне приходится откашляться прежде, чем продолжить. – Что именно ты хочешь мне сказать?

– Я должен был поговорить с вами о Грее прежде, чем принимать решение о том, что делать с ним дальше.

Я задерживаю дыхание.

– Я думал... – начинает Рэн и замолкает. – Я думал, вы понимаете мои причины, но, наверное...

– Да. – Я снова смотрю на него, и мой голос звучит хрипло. – Я понимаю причины. – Мне приходится перевести взгляд на коня. – Когда ты так поступил, – шепчу я, – ты напугал меня еще больше, чем когда был в облике монстра.

Рэн резко втягивает в себя воздух, но я не смотрю на него. Я не могу смотреть на него.

– Потому что это был *твой выбор*, – говорю я, и мой голос срывается. – Потому что это был *ты*. Потому что это был тот, кто мне не безразличен. Потому что то, что ты сделал, было ужасно. – Слезы начинают струиться из моих глаз, и я прижимаюсь лбом к шее коня. Мои пальцы путаются в гриве Уилла. – Потому что тебе нужно было так поступить. Потому что я не хотела знать, что ты способен на подобное.

– Харпер. – Рэн внезапно оказывается рядом со мной, его голос звучит мягко и сломленно. Его палец касается моей щеки легким, как перышко, движением, как будто он боится,

что я отвернулся от него.

Я не отворачиваюсь. Мне кажется, я и так слишком долго отворачивалась от него в каком-то смысле.

Его глаза впиваются взглядом в мои.

– Пожалуйста, Харпер, пожалуйста, знай, что я умолял его рассказать мне все. После того, что сделала Лилит, я не мог... Не мог рисковать своим народом. – У Рэна перехватывает дыхание, и я вижу, как в его глазах мелькают тени боли и отчаяния. – Прости меня. Пожалуйста, прости. Думаешь, мне это ничего не стоило?

От эмоций в его голосе у меня сжимается горло и на глаза вновь наворачиваются слезы. Эти не просто извинение. Это признание. Рэн переживает боль и потерю так же остро, как и я. Я ожидаю, что его извинение погасит горящий внутри меня гнев, но этого не происходит. Впервые я осознаю, что большая часть этого гнева направлена не на окружающих меня людей. Дело не в Рэне.

Дело во мне. Я злюсь на саму себя.

Рэн был не единственным, кому пришлось сделать выбор. Мне тоже. Ему пришлось выбирать между Эмберфоллом и Греем. Мне пришлось выбирать между Греем и Рэном.

Мы оба оказались правы и неправы одновременно, и осознание этого в конце концов заставляет пылающий внутри меня гнев немного стихнуть и стать более терпимым.

Я вздыхаю и прижимаюсь лицом к груди Рэна. Его руки обнимают меня и крепко прижимаются к моей спине под

плащом, притягивая к себе. Я чувствую его дыхание на своих волосах и то, как его сердце бьется рядом с моим.

Мне приятно находиться в его объятиях. Я уже и забыла, каково это.

– Мне больше не хочется находиться в режиме ожидания, – говорю я Рэне.

Он мгновение молчит, потом спрашивает:

– Я не знаю, что это значит.

Я моргаю, затем из моего горла вырывается удивленный смешок. Рэн был знаком с таким огромным количеством девушек из Вашингтона, округ Колумбия, что я не часто сбиваю его с толку какими-нибудь словесными выражениями. Именно поэтому, когда выясняется, что он чего-то не понимает, это всегда застает меня врасплох.

Я отстраняюсь от Рэна и смотрю на него.

– Это как... – Я понятия не имею, как объяснить ему, что такое режим ожидания, но это и не важно. – В общем, я просто больше не хочу ходить по кругу и ждать, что что-то произойдет и каким-то образом изменит ситуацию.

Рэн хмурится, поэтому я добавляю:

– Я не хочу больше ссориться с тобой.

– Я тоже этого не хочу. – Он протягивает руку, чтобы стереть слезу с моей щеки. – Нужно было тебе все рассказать.

А мне нужно было у него спросить. Я должна была догадаться. Я шмыгаю носом.

– Ты... ты был вынужден на это пойти. Я бы помешала

тебе.

– Ты помогла бы мне найти лучший способ. – Его глаза не отрываются от моих. – Ты всегда помогаешь мне найти лучший способ.

Проблема частично заключается как раз в этом. Я не знаю, был ли способ разрешить ситуацию как-то по-другому. Рэн сделал то, что должен, чтобы защитить Эмберфолл. Рэн всегда ставит на первое место свой народ, и он этого никогда не скрывал. Однако его чувства ко мне тоже имеют большое значение. Стоя здесь сейчас, чувствуя его дыхание в моих волосах и то, как его сердце бьется рядом с моим, я больше не думаю, что сделала неправильный выбор, когда решила остаться.

Мы стоим очень долго. Его рука медленно гладит мою спину. Мои пальцы очерчивают контуры застегнутых на его груди пуговиц. Затем атмосфера меняется. Она становится более тяжелой. Сладкой. Теплой. Я делаю вдох, а может быть, это делает Рэн, потому что мое имя легким шепотом слетает с его губ, а после его губы прижимаются к моим.

Поначалу Рэн нерешителен, как будто он все еще боится, что я оттолкну его, но я этого не делаю, и он сразу же становится более уверенным. Его руки опускаются на мою талию, крепко прижимая меня к себе. Его язык сплетается с моим, а его пальцы путаются в моих волосах. Прошло так много времени с тех пор, как он так целовал меня, и у меня перехватывает дыхание. По телу распространяется жар, который

быстро разбегается по венам и полностью овладевает мной. Рэн издает низкий горловой стон, и прежде, чем я понимаю, что происходит, моя спина ударяется о дверь стойла.

– Ой, – смущенно усмехаюсь я.

– Прости, – говорит Рэн, и на его лице появляется виноватое выражение.

– Переживу.

Глаза Рэна вспыхивают, и он тянет меня в проход, позволяя двери стойла закрыться за нами. Я использую узкое пространство в свою пользу и одновременно начинаю расстегивать пуговицы на камзоле Рэна и пряжку ремня, на котором висит меч.

Затем губы Рэна снова встречаются с моими, и мои руки тихо замирают на его груди.

Я слышу, как будто издалека, что его оружие ударяется об пол. Камзол Рэна исчезает. Теперь я чувствую тепло его кожи и ощущаю движение мышц сквозь рубашку. Он проводит рукой вверх по моему корсету, разжигая во мне огонь своими прикосновениями. Когда его пальцы касаются едва обнаженной кожи моей груди, я проклиная тот факт, что Фрея так туго затянула шнуровку.

Возможно, мне следовало надеть то самое платье с дерзким вырезом.

Эта мысль заставляет меня покраснеть и вцепиться в плечи Рэна, потому что ему не свойственна такая напористость. Мы спали рядом друг с другом десятки раз, но до сих пор

не переспали по сотне разных причин. Одна из них заключалась в том, что последняя женщина, с которой Рэн занимался сексом, обрекла его на вечные муки.

Рэн никогда не объяснял, почему не пытается зайти со мной дальше поцелуев, но если бы мне пришлось ранжировать причины, я бы побилась об заклад, что его последний опыт находится в первой пятерке факторов «почему нет».

Тот факт, что мы практически постоянно ссоримся, вероятно, тоже находился бы в этом списке.

Мне приятно, когда он снова целует меня. Мне хорошо в его объятиях. Иногда Рэн настолько жесткий, решительный и дерзкий, что я забываю о том, что он может быть таким нежным и чутким. Я забываю, что он может разжечь во мне огонь одним лишь своим поцелуем и устроить внутри меня пожар.

– Я скучала по тебе, – тихо говорю я, потому что это так. У меня снова наворачиваются слезы от осознания правдивости моих слов.

Рэн замирает, чего я не ожидаю, а затем обдает горячим дрожащим дыханием мою шею. Его руки все так же дарят мне тепло и крепкие объятия. Теперь в его теле появляется новое напряжение, а между нами чувствуется легкая грусть.

Я прижимаюсь к нему.

– Рэн?

Ему требуется целая вечность, чтобы поднять глаза и встретиться со мной взглядом. В узком проходе конюшни

царит полумрак, и глаза Рэна похожи на темные глубокие озера. Он касается моей щеки, и его пальцы скользят по ней легко, пока ладонь не касается моего подбородка. Его большой палец уверенно очерчивает контур моих губ.

– Это платье ты впервые надела в Лунной Гавани.

Я хмурюсь.

– Ты помнишь?

– Ты выглядела как королева. – Его глаза снова находят мои. – Ты выглядишь как королева.

– Это очень красивое платье.

Рэн вдыхает и медленно выдыхает.

– Я не рассказывал тебе о Грее, потому что иногда мне кажется, что твоя воля сильнее моей.

– Иногда? – поддразниваю его я, но в моем голосе нет язвительности. Мне не хочется обидеть Рэна, когда он выглядит таким уязвимым.

– Как и раньше, я не рассказывал тебе ничего, потому что боялся, что это навредит тебе.

Раньше. Мне требуется мгновение, чтобы понять, о чем он говорит, но затем я понимаю. Раньше – это до того, как проклятие было снято, когда Лилит истязала его ночь за ночью, потому что он был близок к тому, чтобы найти любовь вместе со мной. По сути, мне пришлось чуть ли не силой затащить его в свою комнату, потому что Рэн не хотел подвергать меня опасности. Однако он никогда мне ни в чем не отказывал. Если бы попросила его не причинять вреда Грею,

он бы послушал меня.

Мое сердце замирает в груди. Я ошиблась. На первое место Рэн ставит не Эмберфолл, а меня.

– Рэн. – Я пристально смотрю на него. – Что-то случилось на приеме?

– Прием прошел блестяще, – говорит он. – Я познакомился с наемницей из Терновой Долины, которая дала мне представление о передвижениях вражеских отрядов. Она также рассказала мне об оружии из Силь Шеллоу, которое может противостоять магии.

– Подожди... Что? – Я моргаю, глядя на него. – Ты мне чего-то недоговариваешь.

Я изучаю резкие линии его подбородка, тени под его глазами, которые стали еще более заметными в темноте.

Нужно было его спросить.

Я думаю о том, как Рэн вел себя в последние несколько недель. Он был напряженным и нервным и выглядел так, будто совсем не спит по ночам. Мы должны готовиться к войне, но Рэн, судя по всему, медлит и бездействует.

Рэн не любит быть неподготовленным. Это не в его стиле.

Я расправляю плечи и смотрю на него.

– Ты не хочешь воевать, – догадываюсь я.

– Но если я не стану воевать, то Грей захватит Эмберфолл, – говорит он. – Он объединит его с Силь Шеллоу, чьи люди убивали наших тысячами. Он не король, Харпер. У него нет опыта управления страной.

– Это все, что тебя тревожит? – спрашиваю я, прищурившись. – Или же ты больше боишься его магии?

Рэн вздрагивает при слове «магия».

– Я не думаю, что Грей хочет причинить тебе вред, – тихо говорю я.

– По правде говоря, мои страхи не касаются Грея.

Я замираю. В его голосе есть нотка, которую я не могу понять.

– Рэн, – я наклоняюсь к нему ближе, пока мы не дышим одним воздухом, – скажи мне, чего ты боишься.

Наконец его глаза встречаются с моими.

– Лилит.

Глава 8

Рэн

Харпер смотрит на меня, нахмутив брови. Я жажду забрать свои слова обратно, стереть имя колдуньи из прошлой фразы.

Харпер невероятно прекрасна в полумраке конюшни, ее прическа слегка растрепалась, губы покраснели и распухли от поцелуев. Ее глаза полны беспокойства, и я хотел бы повернуть время вспять на одну минуту, чтобы стереть это беспокойство с ее лица.

Но я не могу. Я больше не могу скрывать от нее правду.

– Лилит? – переспрашивает она.

Это имя все еще способно заставить мое сердце замирать от страха, и я бросаю взгляд во все темные углы конюшни, как будто колдунья может возникнуть из ниоткуда прямо здесь и сейчас.

Но ее здесь нет.

Харпер хмурится еще сильнее.

– Но Лилит мертва.

– Это не так. – Я делаю глубокий вдох, и мой голос становится тише. – Она была здесь, в замке. Она вернулась вместе со своей магией, угрозами и явным желанием сделать меня как можно более несчастным.

Харпер делает шаг назад, и мне невыносимо больно отпустить ее. Я ожидаю увидеть боль предательства на лице девушки, но ее нет. Есть лишь решительность.

Когда она говорит, ее голос звучит уверенно и твердо:

– Когда? Где она? Что она сделала? – Не дожидаясь ответа, Харпер смотрит на дверь конюшни и повышает голос: – Дастан! Стража!

– Миледи...

Двери распахиваются настежь, и в проход врываются четверо стражников с оружием наготове, ища глазами угрозу. Я бросаю на Харпер испепеляющий взгляд, затем наклоняюсь, чтобы поднять с пола камзол и пояс с мечом. По крайней мере, сама Харпер полностью одета.

– Вольно, – говорю я страже. – Нет причин для тревоги.

– Нет, они есть. – Голос Харпер подобен стали. – Если она вернулась, ты не должен быть один.

Дастан убирает меч в ножны и смотрит то на него, то на меня. Он явно уловил напряжение в голосе Харпер.

– Милорд?

Я вздыхаю и продеваю руки в рукава камзола.

– Командор, я удалюсь в свои покои.

Харпер делает глубокий вдох, чтобы выдвинуть еще какие-то требования, но я спокойно смотрю на нее и протягиваю ей руку.

– Не хотите составить мне компанию, миледи?

Харпер хмурится, но кладет свою руку в мою. Мы выхо-

дим из конюшни, но я сбавляю шаг, когда мы переступаем порог. Мои глаза ищут в темноте колдунью. Харпер замечает это, и ее шаги тоже становятся медленнее. Она смотрит на меня. Усилием воли я заставляю себя идти дальше.

— Расскажи мне все, — шипит она. — Как ты можешь говорить такие вещи, а потом молчать?

— Я собирался рассказать, но ты позвала стражу.

Она слишком импульсивная.

Холодный ветерок щекочет обнаженную кожу моей шеи, и я вздрагиваю. Мне хочется оказаться в замке. Я хочу остаться в своих покоях. Я хочу спрятаться за самой толстой дверью в мире, чтобы никто не смог проникнуть внутрь.

Вот только толщина двери не имеет значения. Лилит ничто не остановит.

Мы подходим к задней двери замка, и лакей подсакивает к ней, чтобы придержать ее для нас. Как только мы попадаем в замок, я чувствую себя лучше. Более защищенным. Дастан сопровождает нас, и мне хочется отослать его к себе. Я уже был свидетелем того, что Лилит делала с Греем, сезон за сезоном. У меня нет ни малейшего желания наблюдать за тем, как она подвергает пыткам моего очередного командора.

Однако Харпер явно заставила Дастана беспокоиться. Как только мы доходим до моих покоев, он встает снаружи вместе с тремя другими стражниками. Дастан делает глубокий вдох, словно собирается что-то сказать, но я закрываю дверь у него перед носом.

Мой взгляд мечется по углам прежде, чем я перевожу его на Харпер.

– Наверное, мне стоит вас отблагодарить за то, что вы не подняли тревогу на весь замок.

– Ты не имеешь права сердиться на меня.

– Я... – Мой голос прерывается, и я вздыхаю. Я прислоняю меч к стене и провожу ладонями по лицу. Понятия не имею, как мне лучше закончить свой ответ. Я...

Сожалею.

Опустошен.

Измотан.

И самое худшее: *мне стыдно.*

Если бы я произнес все это вслух, то вряд ли бы это как-то помогло исправить мои ошибки.

– Я не знаю, что сказать, – говорю я.

– Она была на приеме? – Харпер сердито втягивает в себя воздух. – Тебе следовало держать Дастана рядом. Ты не должен был отправлять его за мной.

Ад нечестивый!

– Харпер. Перестань.

Она умолкает.

– Лилит здесь уже несколько недель. – Я перевожу дыхание. – Несколько месяцев.

Я наблюдаю, как Харпер воспринимает эту информацию. Ее лицо поначалу выражает беспокойство и страх, затем их сменяют недоумение и растерянность. Я готов к тому, что

она начнет кричать, ведь я только что подлил масла в огонь, но вместо этого она задумывается.

– Несколько месяцев. – Ее голос становится мягче. – Рэн... Рэн, почему ты мне не сказал?

Я медлю с ответом, и Харпер делает глубокий вдох, прижимая руку к животу.

– Это все я. Она шантажировала тебя, угрожая мне.

– Да.

Харпер прижимает ладони к лицу, затем выдыхает. Она опускается в кресло перед камином.

– Так, ладно. Начни с самого начала. Я думала, что Грей перенес ее на другую сторону и убил.

Я опускаюсь в кресло рядом с ней.

– Он, безусловно, пытался. У нее на шее шрам. Сколько раз он ни пытался ее убить до этого, его оружие не оставляло на ней отметин. Возможно, он даже не знает, что она жива.

– И чего же она хочет?

– Она хочет, чтобы я выиграл эту войну.

– Зачем ей это нужно?

– Потому что она хочет править Эмберфоллом. Она винит моего отца и мое королевство в гибели ее народа. Она желает заполучить трон.

– Тогда почему бы ей просто не убить тебя?

– Видишь ли, мой конфликт с Греем уже поставил Эмберфолл под угрозу гражданской войны. Лилит признает, что не может просто взойти на престол и ждать, чтобы все коро-

левство преклонило перед ней колено. Она могущественна, но не настолько.

Харпер некоторое время обдумывает мои слова. Я жду ее ответа, прислушиваясь к потрескиванию огня в камине. Я боялся этого момента... целую вечность. Я не хотел, чтобы Харпер знала. Я не хотел подвергать ее опасности. Однако я не понимал, как отчаянно нуждаюсь в доверенном советнике, пока девушка не потребовала всей правды.

От этой мысли у меня сжимается сердце, и мне приходится проглотить комок в горле. Я до сих пор помню ту ночь, когда встретил Лилит, как она сначала пыталась очаровать моего отца, однако у него хватило здравого смысла прогнать ее. Я же попался на ее удочку, и мне до сих пор приходится расплачиваться за это.

Рука Харпер опускается на мою.

– Не замыкайся в себе, – говорит она. – Поговори со мной.

Она проявляет ко мне доброту, которой я не заслуживаю.

– Когда мы с Греем попали в ловушку проклятия, он был единственным человеком, который знал, насколько Лилит ужасна. Мне трудно делиться всем этим с тобой. Даже сейчас.

– Что она хочет со мной сделать? Раскидать части моего тела по всему Эмберфоллу?

– Хуже. Она грозитя перенести тебя обратно в Колумбию.

Рука девушки все еще лежит на моей. Ее лицо становится

неподвижным, словно каменная маска.

– О. Вот как.

Я задерживаю дыхание, опасаясь, что Лилит вот-вот возникнет из воздуха и исполнит свои угрозы, но в комнате по-прежнему тихо. Колдуньи нет. Огонь продолжает потрескивать в камине.

Харпер продолжает находиться рядом со мной.

– Значит, она хочет, чтобы ты выиграл эту войну. Она хочет, чтобы ты стал королем. – Харпер задумывается, и ее глаза встречаются с моими. – И она хочет стоять рядом с тобой, когда ты взойдешь на престол.

Я киваю.

Она умолкает на мгновение.

– Ты правда хочешь воевать с Греем?

– Я не вижу другого выхода для Эмберфолла.

– Подожди. – Она поднимает руку. – Хочешь ли *ты*, Рэн, воевать со своим *братом*?

Я вздыхаю и встаю из кресла, чтобы направиться к стоящему сбоку столику и откупорить бутылку вина.

– Он может быть мне братом по крови, Харпер, но он мне не брат. – Я замолкаю, пока наливаю вино в бокал. – Он сбежал, вместо того чтобы сказать мне правду. Он стоял прямо передо мной и отказывался раскрывать тайну государственной важности. Он объявил мне войну.

– Нет, он дал тебе шестьдесят дней...

– Чтобы подготовиться к войне. – Я осушаю бокал и нали-

ваю в него еще вина. — Его письмо было совершенно ясным.

— Он сказал, чтобы ты не вынуждал его начинать войну.

— Я его не вынуждаю. Он может остаться там, а я здесь, и все мы будем жить в мире и согласии. — Я допиваю второй бокал, понимая, что все это неправда. Королевство Силь Шеллоу отчаянно боролось за ресурсы и торговые пути еще до того, как проклятие было снято. Мой отец платил десятину, чтобы сохранить в тайне первородство Грея, но как только я был проклят и мой отец умер, десятина перестала выплачиваться. Откуп серебром за последние пять лет так и остался в казне Эмберфолла, и Силь Шеллоу из-за этого стало терпеть убытки. Именно поэтому Карис Люран отправила солдат на мою территорию, и именно поэтому Грей грозит сделать то же самое, если я не вступлю в союз с Лией Марой.

Харпер появляется рядом со мной и забирает у меня бокал.

— Если Лилит здесь, то последнее, что тебе нужно делать, — это пить.

С этим можно поспорить, однако я заталкиваю пробку обратно в горлышко бутылки. Я не пил уже несколько месяцев. С той самой ночи, когда Грей вернул Харпер из Вашингтона, округ Колумбия, еще до того, как мы узнали о его первородстве. До того, как проклятие было снято.

Вы неисправимы. Не понимаю, как я мог терпеть вас так долго.

Это слова Грея. То был единственный раз, когда я видел

его пьяным. Наверное, это были самые правдивые слова, которые он когда-либо говорил мне.

Он стоял со мной на парапете замка, когда я уже почти превратился в чудовище в последний раз. Я намеревался принести себя в жертву. Я собирался прыгнуть. Я был в ужасе.

Грей оставался вместе со мной до последнего и держал меня за руку.

Мое горло сжимается. Я выдергиваю пробку и делаю глоток вина прямо из бутылки.

– М-да, – говорит Харпер.

– Как верно подмечено. – Мой голос звучит хрипло.

На этот раз Харпер забирает у меня бутылку. Я падаю в кресло перед камином и провожу руками по лицу.

– Почему ты мне ничего не рассказал? – тихо спрашивает она.

– Потому что я не могу потерять тебя снова, – говорю я. – Я не могу рисковать тобой.

Некоторое время Харпер молчит. У меня не хватает смелости поднять на нее взгляд. Она злилась на меня неделями, и это было более чем неприятно, и поэтому сейчас у меня нет никакого желания видеть разочарование или осуждение на ее лице.

Пальцы девушки скользят по моему плечу, и она садится ко мне на колени, устраивая голову в ложбинке под моим подбородком. От нее веет теплом и уверенностью.

У нее нет ко мне ненависти, и я едва не содрогаюсь от облегчения.

— Так вот зачем ты устроил этот бал для главных маршалов, — говорит она. — Тебе нужно было устроить представление для Лилит.

— Это должно было быть нечто большее, чем просто представление, если мы хотим получить хотя бы призрачный шанс отбиться от Силь Шеллоу, — отвечаю я. — Но да, ты права.

— Теперь я жалею, что не надела то платье.

— Я никогда не считал тебя пешкой, — говорю я, и это правда. — Ты вправе носить что захочешь.

Харпер молчит, и ее легкое дыхание согревает мою шею. Проходит так много времени, что мои мысли начинают рассеиваться и уплывать куда-то далеко. Возможно, причиной тому усталость, или же дело в вине. Скорее всего, одно другого не исключает.

— Ты позволял Лилит истязать себя, чтобы она не причинила вреда Грею, — шепчет Харпер.

Я помню все те нескончаемые муки, которые колдунья причиняла нам. Иногда она делала это от скуки, а иногда таким образом мстила или наказывала нас за преступления, о которых ведала только она. Ничто из того, что творила Лилит, не могло нас убить. Не тогда, когда проклятие вступило в силу. Тем не менее боль была настоящей и невыносимой.

Я стараюсь отвлечь внимание Харпер от Грея, когда могу.

Проклятие заслужил не он, а я. Он должен был бежать во время первого сезона, когда я только перевоплотился. Иногда мне очень жаль, что он этого не сделал.

– Это все, что я мог для него сделать, – говорю я Харпер. – Он был предан мне, и рядом со мной его удерживало чувство долга. Никто не заслуживает пыток за свою верность.

– Грей как-то сказал мне, что его долг – истекать кровью, чтобы не пришлось истекать кровью тебе.

Я знаю. Я слышал, как он произносил эти слова.

Я вспомнил о них, когда смотрел, как хлыст разрывает кожу на его спине.

Мне срочно нужна эта чертова бутылка вина.

– Тебе не нужно было тогда справляться со всем в одиночку, – говорит Харпер. – И теперь не нужно.

– Я не знаю, как можно одолеть ее...

– Вместе, – говорит она. – Так же, как мы это сделали прежде.

Голос Харпер звучит с завидной уверенностью.

– Да, миледи, – шепчу я и целую ее в висок.

Я бы многое отдал, чтобы у меня была хоть толика этой уверенности.

* * *

– Ваше Высочество.

Мои веки вздрагивают. В комнате холодно и темно, и моя

левая рука онемела. Во сне расслабленное тело Харпер стало тяжелее. Ее медленное дыхание легко касается моей кожи. Огонь в камине поник до тлеющих углей.

– Тс-с, – говорит голос. – Не надо будить принцессу.

Я медленно моргаю, пытаюсь отыскать глазами лицо в тени. Странно, что служанка зашла в мои покои после того, как я лег спать.

Затем изящные черты лица Лилит становятся четче, и я подскакиваю на кровати.

– Тс-с-с, – снова шипит на меня Лилит. – Мне бы не хотелось, чтобы она проснулась и вынудила меня перенести ее обратно в Колумбию.

Мое сердце бешено бьется в груди от паники, и я почти уверен, что его громкий стук может разбудить Харпер.

– Оставь меня в покое, – шепчу я. – Пожалуйста, Лилит.

– Ты рассказал ей правду, – говорит она.

Из ее уст это звучит как обвинение в слабости, и я сжимаю челюсти.

– Я больше не намереваюсь скрывать твои преступления.

– Я не совершала никаких преступлений. – Колдунья наклоняется ближе, и ее губы оказываются на совсем небольшом расстоянии от моих. Глаза Лилит зловеще блестят в темноте.

Мое тело превращается в камень. Я отдал бы все серебро Эмберфолла своей новой наемнице-шпионке, если бы она прямо сейчас появилась в моих покоях с оружием, которое

могло бы остановить Лилит. Мои руки жаждут притянуть спящую в моих объятиях девушку ближе, как будто я могу защитить ее одной силой воли.

– Я подготовился к войне. Я выстою против Грея. Я сделал все, что ты просила.

– Хороший мальчик, – выдыхает она. Ее губы касаются моих, и я отшатываюсь назад. Харпер начинает ворочаться в моих объятиях.

Лилит улыбается.

– Что бы ты ей ни говорил, она не сможет пересечь завесу без моей помощи. Если я заберу ее на ту сторону, ты ее больше никогда не увидишь.

– Я сделаю все, что скажешь, – говорю я. – Даю слово.

– Чудесно. – Она проводит пальцем по шраму на щеке Харпер прежде, чем я успеваю оттолкнуть ее руку.

Харпер резко просыпается и хлопает себя ладонью по щеке. Ее дыхание быстрое и неровное.

– Рэн! Что... Кто... ТЫ! – Харпер замирает в моих объятиях.

– Да. Я. – Глаза Лилит опасно сверкают в темноте, и она шипит, как змея. – Здравствуй, слабая, сломанная, никчемная маленькая...

Харпер вырывается из моих объятий, и я слишком поздно осознаю, что она выхватила кинжал у меня из-за пояса.

– Нет! – выкрикиваю я.

Я помню последний раз, когда она бросила клинок в кол-

дунью и чем это кончилось.

Однако Харпер не бросает кинжал. Она вонзает лезвие прямо в живот Лилит, надавливая на рукояку всем своим весом. Колдунья падает на пол. Харпер становится коленями на руку Лилит, затем наматывает на кулак свободной руки ее волосы. Она наклоняется ближе.

– Ну же, давай, – шепчет она. – Перенеси меня домой. Посмотрим, как долго ты проживешь на моей стороне.

По комнате кружит ветер, заставляя свечи погаснуть, а пламя в камине задрожать. Лилит задыхается то ли от шока, то ли от боли.

– Ты за это заплатишься.

– Он делает, что ты хочешь. Ой, это Грей оставил на тебе этот шрам? Держу пари, я могу сделать еще один побольше.

– Харпер. – Я не могу дышать. – Харпер, пожалуйста.

Лилит в буквальном смысле пускает слюни от ярости.

– Я тебя уничтожу!

– Ну, давай! Убей меня! И ты лишишься единственного рычага давления, который у тебя есть. – Харпер наклоняется ближе. – Это ты слабая, – шепчет она на ухо колдунье.

Из груди Лилит вырывается крик ярости, и она ударяет свободной рукой по руке Харпер. Она вскрикивает и отскакивает назад. На ее руке появляются три длинные кровавые царапины.

Дверь в мои покои распахивается. Стража врывается внутрь, привлеченная криками. Лилит исчезает, и от нее не

остаётся ничего, кроме кинжала и пятна крови на полу.

Харпер хватается за свою раненую руку. Она говорит, стиснув зубы:

– Насколько все плохо?

Я смотрю на нее, и мне требуется мгновение, чтобы оторвать взгляд от ее лица. Я осторожно отвожу от раны ее пальцы. Рукав платья девушки разорван, из порезов льется кровь.

Рядом со мной появляется Дастан и опускается на колено.

– Брендин, позови лекаря, – говорит он одному из стражников, – принцессе нужно наложить швы.

Харпер вздыхает.

– Опять шрамы. Класс.

Я не могу перестать с удивлением смотреть на нее.

– Что? – спрашивает она.

У меня нет слов.

– Как... как ты это сделала? – Я замолкаю. – *Как?*

– Я ее ненавижу, – просто отвечает она. – Это было нетрудно. Или ты про то, как у меня получилось ее обездвигить?

– Кого? – спрашивает Дастан.

– Да, – отвечаю я.

Харпер берет клинок, вытирает его о подол своего испорченного платья и протягивает мне рукоятью вперед. Ее глаза полны ярости и решимости.

– Меня этому научила Зо.

Глава 9

Лия Мара

Когда я представляла себя королевой, мои мечты были связаны с народом, который наконец живет в мире и спокойствии. Я бы правила твердо, но справедливо, а не со злобной жестокостью своей матери. И мои подданные процветали бы. Никто бы меня не боялся. Мне никогда не хотелось внушать другим страх. Я предполагала, что мой народ вздохнет с облегчением и заживет счастливо.

Вот уж не думала, что кто-то будет умолять меня отрубить кому-нибудь конечности прямо посреди моего тронного зала.

– Ваше Величество, – шепчет Кланна Сун – женщина, которая раньше была главным советником моей матери, а теперь стала моим главным советником. – Вам придется принять какие-то меры.

– Вы должны отрубить ему руки! – рычит женщина, стоящая передо мной. Ее зовут Каллара, и она является владелицей маленькой фермы далеко на севере, которая стоит прямо на берегу Застывшей реки. Руки Каллары скрючены, а кожа обветрена из-за тяжелого труда, который и является ее жизнью. – Даже если яблоко падает с дерева, это не сделает его бесплатным.

– Я не крал какое-то там яблоко! – огрызается мужчина по фамилии Баярд. Он тоже землевладелец. – Я просто работал на своей земле.

– Это *моя* земля! – кричит Каллара.

– Моя! – рычит он. Его щеки покраснели, глаза выпучились от ярости.

– Неудивительно, что мужчине не хватает ума, чтобы измерить расстояние, – говорит Каллара. – Может быть, наша мудрая королева отдаст мне твои земли, чтобы я могла заставить тебя работать в полях, где тебе самое место.

– Я и был в полях, где мне самое место!

– Отруби им всем руки, – тихо подсказывает мне моя сестра Нолла Верин со своего трона, который находится по другую сторону от меня.

Эллия Майя – еще один государственный советник, которая всегда была близка с моей сестрой, – тихо смеется. Нолла Верин одаривает ее улыбкой.

Я вздыхаю и смотрю в окно. Принц Грей сейчас снаружи на тренировочных полях. Джейк и Тайко вместе с ним наблюдают за тренировкой наших солдат. Поначалу Грей сидел со мной, пока я выслушивала жалобы моих подданных, но не все люди говорят на языке Эмберфолла, и Грей еще только начал учить сишшальский. В этом нет его вины, но я уже слышала перешептывания с осуждением его высокомерия и невежества. Не уверена, что из этого хуже. Мой народ уже сомневается, достаточно ли я безжалостна и жестока, чтобы

править после смерти моей матери.

Быть королевой гораздо сложнее, чем я могла себе представить.

Сидящая рядом со мной Нолла Верин решительно откашливается. Я отрываю взгляд от окна и смотрю на Кланну Сун.

– Чья же это на самом деле земля?

– У них обоих есть документы, подтверждающие право собственности на эту территорию, Ваше Величество.

Ну, конечно же, есть. Я пытаюсь сдержать очередной вздох.

– У него подделка, я уверена, – фыркает Каллара.

– Довольно!

Они бы не стали так рьяно спорить в присутствии моей матери. Я бросаю взгляд через комнату, где писари фиксируют каждое наше слово. – Писари, – говорю я. – Проверьте документы на подлинность. – Я смотрю на Каллару и Баярда. – Мы встретимся с вами снова через неделю.

– Через неделю! – восклицает Каллара. – Абсурд!

– Руки, – шепчет Нолла Верин. – Ее руки нужно отрубить, сестра.

Я поворачиваюсь и сердито смотрю на нее.

Эллия Майя делает шаг вперед. У нее длинные темные волосы, которые она заплетает в косы, а держит она себя как солдат. Некогда она была офицером армии, проявила себя во время последней битвы с Эмберфоллом, и после этого моя мать предоставила ей должность советника.

– Незначительное наказание заставит других думать дважды прежде, чем решаться перечить вам.

– Именно! – Нолла Верин мило улыбается. – Может, хотя бы одну руку отрубим?

Похоже, она пытается подтрунивать надо мной, но я также слышу в ее голосе скрытое разочарование. Она бы уже отрубила им всем руки. По правде говоря, Нолла Верин вообще не стала бы слушать подобные жалобы.

Один из моих слуг выходит вперед, чтобы забрать документы у фермеров. Баярд, не колеблясь, передает свои бумаги через слугу мне и отвешивает поклон.

– Я ценю вашу мудрость, Ваше Величество.

Каллара же крепче сжимает свои документы и говорит:

– Ваша мать не стала бы проверять достоверность моих слов.

Моя мать даже не стала бы ее слушать. Вообще мне кажется, что кто-то из этих двоих не заявился бы в Хрустальный дворец со своими жалобами, когда правила Карис Люран: им бы просто не хватило на это смелости. И Нолла Верин, и Кланна Сун как-то упоминали, что число людей, обращающихся сейчас за аудиенцией, увеличилось в десять раз.

В каком-то смысле это то, о чем я мечтала. Меньше насилия. Меньше крови. Меньше смертей. Меньше страха.

Однако реальность не всегда соответствует мечтам.

– Дайте сюда документы, – жестко говорю я ей.

Каллара делает шаг назад.

– Это просто смешно! – Она сворачивает бумаги в трубочку. – Прекрасно! Принимай сторону мужчины, в таком случае! Я не удивлюсь. – Она плюет в Баярда. – *Fell siralla!*

– Я не встаю на сторону мужчины, – говорю я. – Я попросила вас показать документы, чтобы я могла справедливо...

Женщина плюет в меня, после чего поворачивается спиной и направляется к дверям.

Рядом со мной Нолла Верин, Эллия Майя и Кланна Сун делают глубокий вдох. Остальные подданные, ожидающие своей очереди, неловко переглядываются.

Моя мать приказала бы казнить Каллару прямо здесь и сейчас. Или, может быть, казнь была бы потом. Сначала матушка бы приказала стражникам обездвигить ее каким-нибудь болезненным способом, а после оставила бы ее истекающее кровью тело на каменном полу, чтобы это было уроком для всех тех, кто думает осмелиться на такую дерзость.

Но не могу так поступить. Я не могу.

Нолла Верин смотрит на меня, и когда я ничего не говорю, она встает.

– Стража! – рявкает сестра. – Взять ее!

Я резко поворачиваю голову, чтобы посмотреть на сестру. Она не должна отдавать приказы за меня. Тем не менее два стражника все равно отскакивают от стены и хватают Каллару за руки. Теперь она покрывает меня отборными ругательствами. Баярд таращится на женщину с округлившимися глазами.

– Не смотри на меня так, – шепчет Нолла Верин. – Ты должна действовать. Ты же знаешь, что должна.

Я оглядываюсь на стражу.

– Отберите документы. Мы сейчас разберемся, чья это земля.

– И отрежьте ей язык! – велит Нолла Верин. – За то, что она плюнула в королеву.

– Подождите. Что? Нет! – говорю я, но один из стражников уже вытащил клинок, и мои слова заглушает внезапный протестующий крик Каллары. Из рта женщины на платье начинает литься кровь. Ее крики трансформируются в пронзительный, искаженный, булькающий звук. Колени Каллары подкашиваются, но стражники держат ее на ногах.

Я застыла на месте едва дыша. У подножия трона Баярд побледнел. Я вижу, как некоторые из пришедших переминаются с ноги на ногу и бросают взгляды на дверь, явно решив, что их жалобы не такие уж срочные и важные.

Я не впервые сталкиваюсь с такого рода насилием, но меня это все равно огорчает. Я не хочу, чтобы такие вещи происходили в моем тронном зале. Я не хочу, чтобы это делалось по приказу моей сестры.

Ты должна действовать. Ты же знаешь, что должна.

Жаль, что у меня не было еще одной минуты. Хотя бы секунды...

Но Каллара уже уходила. Она плюнула в меня. Она выкрикивала ругательства в мой адрес. Она отказалась выпол-

нять приказ.

И я ничего не могла сделать. Мои руки трясутся, и причин тому множество.

– Уведите ее отсюда, – говорю я низким и натянутым голосом. Стражники начинают тащить ее прочь. Я бросаю взгляд на Баярда. – Земля ваша, если только документы не докажут обратное. Возвращайтесь через неделю за моим окончательным вердиктом.

– Да. – Его голос немного срывается. – Да, Ваше Величество.

Он торопливо кланяется и пятится назад.

Я поворачиваюсь и смотрю на Ноллу Верин.

– Больше так не делай.

– Ты вообще слышала, что она говорила? Кто-то же должен был хоть что-то сделать.

– Я бы со всем разобралась. Тебе не обязательно было подрывать мой авторитет.

– Она уже уходила. Что бы ты сделала? Отправила бы ей укоризненное письмо?

Хуже всего то, что моя сестра права. Я снова смотрю в окно. На тренировочном поле солдаты разбились на группы. Я потеряла из виду Грея и остальных, а это значит, что они, скорее всего, присоединились к учебным боям.

Я обдумываю то, что сказала Каллара прежде, чем стражники лишили ее способности говорить. *Принимай сторону мужчины, в таком случае! Я не удивлюсь.*

Мать никогда не правила, стоя рядом с мужчиной, и я была воспитана с убеждением, что ни одна королева не нуждается в короле для эффективного правления. Однако Грей – истинный наследник трона Эмберфолла, и совместное правление может принести мир нашим королевствам.

Я никогда не думала, что мои подданные будут считать стоящего рядом со мной мужчину еще одной моей слабой стороной.

Я вспоминаю все те приемы, на которые Грея не приглашали. Ему были не рады ни на ужинах, ни на балах. До меня доходили слухи о том, что люди сомневаются, действительно ли он примет сторону Силь Шеллоу в войне против Эмберфолла – своей родины. Существует также молва о том, достаточно ли я сильная, раз хочу, чтобы рядом со мной на троне сидел мужчина.

Я не знаю, что лучше: когда Грей присутствует на подобных встречах с народом или же когда его здесь нет.

Я лишь знаю, что подумала бы обо всем этом моя матушка.

Некоторые из людей, ожидающих аудиенции, поспешно ушли. Не из-за меня. Из-за моей сестры.

Я вздыхаю и смотрю на мою оставшуюся часть стражи.
– Вы дожидаетесь моего приказа, а уже потом действуете. Вы меня поняли?

– Да, Ваше Величество.

Их слова звучат глухо и безжизненно. Я не знаю, как это

исправить. Нолла Верин теперь шепчется с Эллией Майей. Я предполагаю, что они говорят обо мне, но затем советник кивает и встает, чтобы выйти из зала. Когда сестра снова смотрит на меня, на ее лице нет ни капли раскаяния. Она выглядит самодовольной.

Мне приходится постараться, чтобы не хмуриться. Клан-на Сун хлопает в ладоши.

– Кто следующий? Проходите со своей проблемой.

Девушка в длинном темном плаще, шаркая, выходит вперед. Она невысокая с широкими плечами и густыми каштановыми волосами, которые закрывают половину ее лица. Она, как мне кажется, слишком молода, чтобы обращаться к королеве с вопросом. Но, возможно, именно это и есть причина ее неуверенной поступи. Мне кажется, что она дрожит.

Мое сердце смягчается. Она именно из тех подданных, которым я хочу помогать. Она из тех, кто побоялся бы обратиться к матери.

– Подойди, – мягко говорю я девушке.

– Да, Ваше Величество, – шепотом отвечает она, глядя на меня снизу вверх, и медленно приближается к пьедесталу трона. Голос девушки очень тихий, и в нем слышится дрожь.

– Я искренне благодарна вам за аудиенцию. Я... Я... Я принесла для вас подарок.

В складках ее плаща блестит что-то стеклянное.

Я протягиваю руку.

– Подойди, – повторяю я. – Не бойся.

Она берет меня за руку и поднимается на пьедестал. Ее пальцы слегка подрагивают, а ладонь влажная от пота. Ее руки украшают каменные кольца. Девушка бросает взгляд на Ноллу Верин и Кланну Сун и облизывает пересохшие губы.

– Чем я могу тебе помочь? – спрашиваю я.

Девушка достает свой подарок. Им оказывается хрустальный сосуд с горлышком, которое обернуто золотым и красным шелком. Она щелкает пальцами, и из ее каменных колец появляются искры, которые поджигают шелк. На горлышке бутылки начинают плясать небольшие языки пламени.

Я делаю глубокий вдох и невольно отклоняюсь назад. Стражник делает шаг вперед, и я поднимаю руку, останавливая его.

Девушка улыбается. Сосуд сияет в пламени, шелк рассыпается на искорки.

– Это подарок для вас, Ваше Величество.

Я замираю в нерешительности. Хрустальный сосуд прекрасен, как лампа, у которой фитилек снаружи.

– Магия уничтожит вас, – шепчет девушка, после чего разбивает бутылку о каменный пол, и из-под моих ног поднимается стена огня.

Глава 10

Грей

Самое лучшее в драке на мечях – это то, что в ней не нужен переводчик.

Большинство солдат хорошо говорят на эмберфольском, но многие его не знают, а еще есть те, кто его знает, но предпочитает на нем не говорить. Я обнаружил, что многие их окружающих переходят на сишшальский, когда не хотят, чтобы я знал, о чем они разговаривают.

Я пока еще не особо свободно говорю на местном языке, но знаю достаточно слов, чтобы понимать, когда речь идет обо мне. Я знаю, что они не доверяют мне или моей магии. Многие думают, что я слишком молодой, слишком верный Эмберфоллу, слишком чужой. Я для них слишком... мужчина. «*Fell siralla*» для меня некогда были нежными словами, которые мне говорила Лия Мара, но на самом деле, как выяснилось, в Силь Шеллоу это самое настоящее оскорбление. *Глупый мужчина*. Ни у кого не хватает смелости сказать мне эти слова в лицо (пока что), но я читаю это в их взглядах. Я слышу, как солдаты бормочут это оскорбление себе под нос, когда я отдаю приказ, который они не одобряют.

В Силь Шеллоу мужчин ценят за силу и умение сражаться, что на первый взгляд казалось нормальным, пока я не

обнаружил, что это означает на самом деле. Итак, мужчин здесь в основном ценят за их способность поднимать тяжести и умирать в бою.

Естественно, мои магические способности вообще не ценятся.

Несмотря на трудности, с которыми я сталкиваюсь, я чувствую себя гораздо счастливее на тренировочном поле с мечом в руке. Язык и политика не имеют значения, когда ты орудуешь мечом. Важно только мастерство.

У меня шесть оппонентов. Четверо из них – солдаты армии Силь Шеллоу, две женщины и пара мужчин. Еще один – этой мой личный стражник Талфор, а другой – Джейк, мой лучший друг и ближайший союзник. Айзек парит высоко над нашими головами, пропитывая воздух своей силой. Мне потребовалось много времени, чтобы научиться чувствовать его магию, потому что она не похожа на звезды и искры, в отличие от моей. Его магия легкая, как перышко. Она напоминает резкое дуновение ветра в тихий день или холодную каплю дождя, внезапно упавшую на лицо в солнечную погоду. Колючий холодок проскальзывает под мою броню, и я невольно вздрагиваю. Айзек способен замедлять потоки воздуха, делая тем самым движения моих противников чуть более смазанными. В то же время это мешает и мне, но я могу воспользоваться своей магией, чтобы заставить клинок двигаться быстрее.

Я чувствую сопротивление магии скрейвера и пробиваюсь

мечом сквозь нее, чтобы с молниеносной скоростью отбить все шесть направленных на меня клинков.

Один из мужчин, капитан по имени Солт, уворачивается от моего меча и обхватывает меня руками поперек туловища, чтобы повалить на землю при помощи грубой силы.

Магия Айзека замедляет падение, но удар об землю почему-то ощущается сильнее. Капитан выхватывает кинжал, чтобы приставить его к моему горлу, но я оказываюсь проворнее. При помощи наручей я блокирую лезвие до того, как он приближается к моей шее.

– Не все должно быть так просто, – говорит мужчина, и я слышу дерзость в его голосе.

Капитан Солт испытывает ко мне неприязнь. Что ж, не он один.

Я вырываюсь из его захвата и пытаюсь завладеть оружием, однако мужчина отбрасывает мой меч подальше и пытается прижать меня к земле. Он не такой проворный, как я, но это он компенсирует своей физической силой. В итоге мы катаемся по земле, сцепившись вместе, и пытаемся перебороть друг друга. Солт заламывает мою руку, и я не удивлюсь, если он вывихнет мне плечо. Капитан, вероятно, убил бы меня, если бы знал, что это сойдет ему с рук. Я ощущаю вкус грязи и крови на языке. Но меч всего в нескольких сантиметрах... Что, если...

По тренировочному полю проносится ледяной порыв ветра.

– Магия! – кричит Айзек.

А, да. *Магия*. Искры и звезды вспыхивают перед моими глазами, и я направляю свою силу в землю. Из сухой травы под нами вспыхивает пламя.

Солт чертыхается и отпускает меня, отползая назад и хлопая себя по руке, чтобы затушить огонь. Его глаза потемнели из-за недовольства. Тренировочные бои закончились, и теперь мы с капитаном оказались в центре внимания. Солдаты отступают подальше от обуглившейся земли и что-то шепчут себе под нос на сишшальском.

Я позволяю огню погаснуть, когда очередной порыв холодного ветра проносится по полю. Джейк подходит ко мне и протягивает руку, чтобы помочь подняться. Я принимаю помощь, после чего подбираю свой меч и вгоняю его в ножны. Мой взгляд при этом устремлен на Солта.

– Ты не понимаешь сути тренировки.

– Мы сражаемся, – мрачно говорит капитан. – Вы пользуетесь магией. Суть же в этом, не так ли?

Он произносит слово «магия» таким же тоном, каким обвиняет меня в жульничестве. Он не то чтобы насмехается надо мной, но в его голосе определенно звучит презрение. Солт рискует нарушением субординации, если, конечно, она вообще между нами существует. Однако капитан пользуется уважением большинства солдат, которые находятся сейчас на поле, и он отлично владеет мечом. Солт нужен мне в качестве союзника, а не врага. Тем не менее царящее между

нами напряжение отравляет воздух.

Здесь есть только один солдат, который не опасается и не обесценивает мою магию – это Тайко. Он стоит неподалеку и убирает свой меч в ножны. Ему всего пятнадцать, и он довольно щуплый для своего возраста, однако парень умолял дать ему возможность тренироваться вместе с новобранцами. Поначалу солдаты помладше почти всегда отказывались тренироваться с «мальчишкой», однако после того, как Тайко уложил одного из них на лопатки меньше чем за двадцать секунд, они с неохотой признали в нем себе равного.

Тайко наблюдает за противостоянием между мной и Солтом. Джейк подходит ближе.

– Давайте попробуем еще раз, – спокойно говорит он. У Джейка отлично получается выступать в роли миротворца. Он умеет сгладить напряженный момент, при этом позволив каждому остаться при своем мнении.

– Хорошо, – говорю я. Я поднимаю взгляд в небо, чтобы свистнуть Айзеку. Солдаты снова что-то бормочут, возвращаясь в строй. В этот раз мне не нужно даже пытаться переводить их слова. Они неохотно позволили скрейверу помочь нам с тренировками, но они не видят в нем союзника. Раньше он был рабом Карис Люран, сейчас он связан со мной клятвой верности, но солдаты все равно не доверяют ему.

По правде говоря, большинство из них не доверяют и мне. Айзек опускается на землю рядом со мной, аккуратно складывая крылья.

– Ваше Высочество, – произносит он хриплым голосом. Ему не нужно меня так называть, и я ему не раз говорил, чтобы он так ко мне не обращался. Айзек продолжает гнуть свою линию, тем самым стараясь напомнить другим о моем положении здесь.

– Через пять минут начинаем заново, – говорю я ему.

Из дворца доносится звук горна, и я вздрагиваю, как и большинство стоящих вокруг меня людей. Прежде чем я успеваю заговорить, горн трубит снова. После этого он звучит в третий раз, после чего наступает тишина, которая кажется почти оглушительный.

Вокруг меня толпа дружно охает.

Я смотрю на Талфора, моего личного стражника.

– Что это значит?

Стражник бледен как полотно.

– Напали...

– Рэн? – спрашивает Джейк, и в его голосе звенит напряжение. – Он атакует?

– Нет, – отвечает Талфор. – Напали на королеву.

* * *

Лия Мара неподвижно лежит на кровати в своих покоях, но через толпу из стражи и советников, окруживших ее, мне трудно что-либо разглядеть. Ее глаза слегка приоткрыты, кожа по цвету сравнима с пеплом. Когда я подхожу ближе, то

замечаю слезы, блестящие на ее щеках, и в груди у меня становится тесно, когда мое сердце начинает биться чаще. Нолла Верин стоит на коленях рядом с сестрой, сжимая руку Лии Мары и целуя костяшки ее пальцев. По другую сторону от Лии Мары стоит Ноа – некогда врач из Вашингтона, но теперь более известный как лекарь из Колумбии. Он прижимает мокрый сверток ткани к ногам девушки.

И тут я вижу покрытую волдырями, покрасневшую кожу. Я вижу кровь и обугленную плоть. Я замечаю сажу на одежде и щеках Ноллы Верин.

– Он уже идет, – бормочет Нолла Верин. Когда она видит меня в дверях, ее глаза широко распахиваются. – Грей, на нее напали! – Голос девушки срывается. – Там была... она была... Ты должен исцелить ее!

В доли секунды я оказываюсь у кровати и, приподняв мокрую ткань, пытаюсь понять, что же стало причиной подобных повреждений.

– Осторожно, – говорит Ноа, хватая меня за запястье. – Осторожнее. Тут много стекла.

Я вижу небольшую кучку осколков рядом с ним, и каждый из них блестит свежей кровью. Я ничего не понимаю и смотрю на лекаря.

– Что случилось?

– Взорвалась бутылочная бомба. – Должно быть, на моем лице написано полное недоумение, потому что он пускается в объяснения: – Это было что-то вроде коктейля «Молото-

ва». Я не знаю, как у вас здесь это называется. Такая зажигательная...

– Магия, – охает кто-то.

– Это была не магия, – решительно заявляет Ноа. – Все было устроено с определенным злым умыслом, но это была не магия.

– Откуда ты знаешь? – спрашивает Нолла Верин.

– Принц пользовался огнем на тренировочных полях, – говорит один из советников. – Возможно, его магия вышла из-под контроля...

– Это была не магия! – рявкает Ноа. – Если вы принесете мне бутылку и немного керосинового масла, я сделаю точно такую же штуку.

По толпе проносится ропот.

– Лекарь угрожает...

– Это не угроза! – срываюсь я и оглядываюсь через плечо на Джейка, но он уже начинает выгонять людей из комнаты.

На этот раз я более осторожно приподнимаю мокрую ткань. Кожа под ней сильно обожжена и источает тошнотворный сладкий запах. Более мелкие осколки все еще впиваются в кожу девушки.

Лия Мара вздрагивает, после чего пытается пошевелиться. Ее веки приподнимаются, а из горла вырывается стон.

– Тише, – мягко говорю я. – Спокойно.

Я делаю глубокий вдох и прижимаю руки к самой ужасной ране. Закрыв глаза, я призываю звезды своей магии. Дыха-

ние Лии Мары становится прерывистым, и мне хочется, чтобы магия действовала быстрее, но если я попытаюсь форсировать ее, то звезды исчезнут в никуда. Повреждений слишком много, и я чувствую боль Лии Мары. Я слышу ее страдания в каждом вздохе.

– Что произошло? – спрашиваю я хриплым и низким голосом.

– Девушка, – с яростью говорит Нолла Верин, однако по ее щекам катятся слезы. – Она подошла к трону, притворяясь, что хочет просить помощи. Сказала, что у нее есть подарок. Он был похож на фонарь, потом она бросила его на пол, и он... взорвался. Мантия Лии Мары загорелась... Загорелись драпировки... Огонь был повсюду...

– Что стало с девушкой? – спрашиваю я.

– Она мертва, Ваше Высочество, – говорит одна из стражников, которая осталась в комнате. В ее голосе слышится недоумение, как будто она не понимает, что существует какой-то иной исход для того, кто осмелился напасть на королеву.

Я понимаю подобную импульсивность, однако когда я был в Королевской страже, мы пытались оставить врага в живых для допроса. Теперь у нас даже нет возможности узнать, действовала ли она в одиночку или же ее кто-то нанял для покушения.

Лия Мара делает медленный и ровный вдох. Кожа на ее ногах восстановилась. Оставшиеся в ранах осколки выпали

и затерялись среди складок постельного белья. Я поднимаю голову и смотрю на нее.

– У тебя где-нибудь еще остались раны?

Она быстро качает головой.

– Нет. Я... Со мной все в порядке.

– Вот и нет, – говорит Нолла Верин. – На твою жизнь было совершено покушение!

Ноа убирает мокрые тряпки. Он смотрит на стражников.

– Пошлите за чистым бельем.

Стражники мешкают и обмениваются взглядами. Я не знаю, дело во мне или в Ноа, но их нерешительность определенно порождена недоверием. Я благодарен Нолле Верин, когда она срывается и кричит:

– *Немедленно!*

Слуги приносят свежее постельное белье и новую мантию. Нолла Верин выходит в коридор, чтобы обсудить произошедшее с Эллией Майей. Джейк говорит мне, что пойдет допрашивать очевидцев случившегося, после чего тоже выскальзывает из комнаты. Я стою, скрестив руки на груди, и наблюдаю за тем, как меняют простыни и одеяла.

Ноа остается вместе со мной.

– Ты уверен, что это была не магия? – тихо спрашиваю я у него.

– Мне кажется, все задумывалось таким образом, чтобы со стороны *выглядело как магия*, – отвечает он. – Когда люди чего-то боятся, их страхом легко манипулировать.

Я вспоминаю о солдатах на тренировочном поле, неуверенно переминающихся с ноги на ногу, когда мы отрабатывали различные упражнения. Я вспоминаю голоса советников Лии Мары, когда Ноа упомянул оружие нападения.

Теперь, когда непосредственная опасность миновала, страх в моей груди рассеялся и его место занял гнев.

Никто не имеет права так сильно калечить других людей.

Наверное, будет лучше, если только Джейк будет наводить справки о нападении. Как принц Грей, я должен казаться заинтересованным лишь политикой.

В данный момент мне не хочется заниматься ни расследованием, ни политикой.

Как только слуги уходят, Лия Мара обращается к Ноа:

– Как и всегда, прими мою благодарность.

Он улыбается, затем хлопает меня по плечу, прежде чем повернуться к выходу.

– На этот раз это целиком и полностью заслуга Грея.

Лия Мара смотрит на меня снизу вверх, и я более чем уверен, что моя ярость ни для кого не секрет.

– Прости, что прервала ваши тренировки, – говорит она, после чего ненадолго умолкает. – Можешь вернуться на поле, если хочешь.

Я не понимаю, она разыгрывает меня или же пытается казаться сильной, однако это не имеет значения. Меня не так легко заставить уйти, как Ноа или ее советников.

– На тебя напали. Я шагу не сделаю из этой комнаты.

– Рано или поздно тебе придется уйти, – говорит она.

Сейчас мы одни, но ее стража стоит в коридоре у открытой двери. Нам редко удается остаться полностью наедине, и, несмотря на это, сплетен о моих отношениях королевой ходит немало.

– Если ты хочешь отдохнуть, я могу побыть в коридоре.

Лия Мара протягивает руку.

– Нет. – Ее глаза находят мои, и в них я вижу страх и неуверенность. – Останься.

Я делаю шаг вперед, беру девушку за руку и опускаюсь на край кровати, чтобы посидеть рядом с ней в тишине ее покоев. Лия Мара должна была переместиться в покои королевы еще несколько месяцев назад, но по-прежнему живет в тех комнатах, которые занимала, когда мы с ней впервые встретились. В то время она даже не была принцессой, а престол должна была унаследовать Нолла Верин.

Раны Лии Мары полностью затянулись, белье сменили, но девушка так и осталась в перепачканной кровью и сажей одежде. Мне нужно позвать служанку, чтобы помочь Лие Маре переодеться, но ее пальцы крепко переплетаются с моими, поэтому я не двигаюсь с места.

– *Fell vale*, – говорит Лия Мара, и я опускаю взгляд в пол.

Нежный мужчина. Вовсе нет. Я изнываю от желания пригвоздить кого-нибудь к земле в драке. Какой-то части меня жаль, что стража уже убила напавшую на Лию Мару девочку. И нет, мое сожаление никак не связано с несостоявшим-

ся допросом.

– Сейчас я себя таким не ощущаю, – говорю я.

Лия Мара использует мою руку, чтобы принять сидячее положение. Я должен помешать ей, но прежде, чем я успеваю что-то предпринять, девушка прижимается спиной к моей груди, и ее голова прислоняется к моему подбородку. Лия Мара кладет мою руку себе на колени. Я крепко обнимаю оказавшуюся в моих руках девушку и вздыхаю.

– Видишь? – тихо говорит она. – Ты все-таки нежный.

– Я должен быть рядом с тобой, когда ты даешь аудиенцию подданным, – говорю я.

Лия Мара не отвечает, и я добавляю:

– Я бы понял ее намерения. Я бы остановил ее до того, как она причинила тебе столько боли.

Лия Мара начинает расстегивать один из моих наручей, и я хочу этому противиться, но ее пальцы такие легкие и ловкие, что у меня не получается. Я обычно бессилен в те моменты, когда Лия Мара хочет чего-то добиться.

– Ты не можешь знать этого наверняка, – говорит она.

– Я знаю.

Она набирает в легкие воздуха, чтобы начать спорить, но я разворачиваю ее лицом к себе. Мои руки спускаются к ее талии, и хотя я действую осторожно, Лия Мара вздрагивает.

Я замираю.

– Прости. Тебе все еще больно?

– Немного.

Я снова направляю магию в свои руки, затем наклоняюсь, чтобы прижаться лбом к ее лбу.

– Твоя стража не должна была подпустить ее так близко к тебе. Я не знаю, было ли это ошибкой или намеренной халатностью, но мне в любом случае следовало быть рядом.

Лия Мара ничего не говорит, но я чувствую ее сомнения.

– Что такое? – спрашиваю я.

– Там была одна женщина, которая ссорилась с мужчиной из-за прав на землю. Мои стражники подчинились приказу Ноллы Верин до того, как я успела его отменить.

– Это было до того, как на тебя напали?

– Да.

– Они не преданы Короне, – незамедлительно отвечаю я. – Ты должна выбрать другую стражу.

– Нолла Верин моя сестра. Она должна была стать королевой. Они верны Короне.

– Они не должны были следовать ее приказу, – говорю я. – И она не должна была его давать.

Лия Мара молчит. Она ненавидит распри. Я знаю, она хочет мира для своего народа и для моего народа в Эмберфолле. Она хочет править без помощи жестокости и страха.

Я не уверен, что ее народ хочет, чтобы им управляли таким образом.

Лия Мара снова прижимается ко мне. Ее теплое дыхание щекочет обнаженную кожу моей шеи.

– А что бы ты сделал? – тихо спрашивает она.

– Не думаю, что ты хочешь это знать. – Мой голос мрачен, и Лия Мара приподнимает голову, чтобы посмотреть на меня.

– Только не говори, что ты бы стал размахивать мечом направо и налево.

– Я бы распустил стражу. По крайней мере, я бы потребовал, чтобы они незамедлительно присягнули тебе в верности. И еще я бы попросил твою сестру удалиться.

– Что? Нет!

– Нолла Верин должна была стать королевой, но не стала. В Силь Шеллоу много сомнений в новой власти, поэтому тебе не нужно, чтобы Нолла Верин подрывала твой авторитет и твоя стража повиновалась ей. Я боюсь, что сегодняшнее нападение на тебя придаст смелости другим, кто планирует сделать то же самое.

– Нолла Верин оказывает мне поддержку.

– Она делает тебя слабой.

Лия Мара замирает в неподвижности в моих руках, я переживаю, что погорячился. Я не хочу, чтобы мы ссорились. Однако затем я понимаю, что сердце девушки бьется очень часто, а ее пальцы цепко впиваются в мою руку, которой я обнимаю ее.

Лия Мара не сердится.

Она боится.

Мой гнев отступает, и на его место приходит яростное желание защитить ее от всего мира. Я прикасаюсь губами к ее

виску.

– Не бойся, – говорю я тихо. Это те же самые слова, что когда-то сказал ей в Глухой Лощине после того, как солдат Эмберфолла приставил клинок к ее шее. – Никто тебя больше не тронет.

Глава 11

Лия Мара

К утру настенные драпировки и бархатные ковры были заменены, и мой тронный зал выглядит точно так же, как и вчера. Однако в воздухе все еще витает едкий запах старого дыма и горелой ткани. Мне не хочется чувствовать себя обнадеженной присутствием Грея, но именно так я себя и чувствую. Матушка никогда не носила оружия перед своими людьми, потому что, по ее словам, это означало, что она им не доверяет. Грей же вооружен до зубов и не делает из этого секрета. Выражение его лица непроницаемое и суровое. Я никогда прежде не видела его таким отстраненным и холодным. Принцесса Харпер как-то назвала Грея пугающим, и я с ней полностью согласна. Сейчас он действительно вызывает страх одним своим видом.

Джейк тоже присутствует в зале. Он стоит у стены вместе со стражниками. Он должен быть на тренировочных полях, практиковаться в битве на мечах с Тайко или проводить свое время вместе с Ноа, однако вместо этого он здесь. Его холодный взгляд оценивает каждого, кто переступает порог. Джейк гораздо менее суровый, чем Грей, и куда более легкомысленный и фамильярный, тем не менее он стал настолько же опасным, как и стоящий рядом со мной принц.

Я доверяю им обоим, но очевидно, что моя стража – нет. Перешептывания в коридорах, которые мне довелось услышать этим утром, дали мне понять, что все считают, будто покушение на меня было завязано на магии. Мне кажется, что придворным проще думать о Грее и его спутниках самое худшее, чем предполагать, что кто-то из Силь Шеллоу решил пойти против Короны. От этой мысли меня бросает в дрожь. Я не хочу думать о том, что народ желает моей смерти. Я не хочу думать о том, что не справляюсь с ролью королевы.

Грей сказал, что Нолла Верин подрывает мой авторитет, но это не так. Я сама во всем виновата.

В любом случае моей сестры сегодня здесь нет. Она сказала, что будет работать с Эллией Майей, пытаюсь определить, откуда пришла девушка, напавшая на меня. Айзек говорит, что она не была колдуньей, но она, должно быть, знала, что ее действия будут похожи на чары, что усилит недоверие к Грею и его связям с Эмберфоллом. По закону если бы она убила меня, то могла бы лично претендовать на трон, но Нолла Верин наверняка вонзила бы меч самозванке в живот и вернула бы власть.

Было ли это конечной целью? Неужели кто-то захотел таким образом посадить мою сестру на престол?

Неужели люди полагают, что так будет лучше?

Жаль, что я не могу чувствовать себя так, как вчера. У меня не получается с оптимизмом думать о том, что я могу править иначе, чем моя мать. Все утро я неподвижно про-

сидела на своем троне, задаваясь вопросом, кто еще может стать угрозой. Этот вопрос заставляет меня напрягаться и отвлекаться, из-за чего Кланне Сун приходится наклоняться ко мне и шептать:

– Ваше Величество, они ждут ответа.

Каждый раз, когда кто-то приближается ко мне, я вспоминаю о напавшей на меня девушке, о взрыве, об обжигающей боли и осколках, впившихся в мою кожу.

– Лия Мара.

Голос Грея, низкий, напряженный и настолько тихий, что слышать его могу только я. Моргнув, я смотрю на принца. Его глаза встречаются с моими, затем опускаются ниже. Я внезапно осознаю, что обхватила себя руками поперек живота, а мое дыхание вряд ли можно назвать спокойным.

Я сглатываю и выпрямляюсь, после чего снова смотрю на пожилую женщину, стоящую перед возвышением, на котором установлен трон. Женщина смотрит на меня в замешательстве. Я даже не помню, на что она жаловалась. Там было что-то про куриц или петухов, а может, что-то совсем другое. Возможно, она даже еще ничего не попросила. Руки женщины сжимают ручку корзины.

– Ваше Величество? – спрашивает она.

Мне нужно что-то сказать. *На что вы жалуетесь?* Однако я продолжаю смотреть на то, как она держит в руках корзину. Я задаюсь вопросом, не спрятала ли она в ней оружие? На лбу у меня выступает капелька пота.

Это просто смешно. Ей, наверное, лет восемьдесят пять.
Но я не могу слова из себя выдавить.

– Королева принимала граждан все утро, – говорит Грей, обращаясь к Кланне Сун, и хотя его глаза смотрят на меня, его следующие слова звучат не как требование, а как предложение. – Может быть, мы могли бы сделать небольшой перерыв?

Я должна отказаться. Мне *хочется* отказаться.

Но я этого не делаю.

Я предполагаю, что Грей отведет меня в мои покои или, может быть, в библиотеку, которая являлась моим убежищем с самого детства. Вместо этого он сопровождает меня к большим дверям фронтальной части дворца. Двери ведут к бьющим фонтанам и длинной мраморной лестнице, которая спускается в город.

Стража будет следовать за нами, куда бы мы ни пошли, однако я замираю на пороге.

Я такая глупая. Я никогда не боялась своего народа. Мне не следует начинать бояться его сейчас.

Грей ничего не говорит, но я уверена, что он заметил мою нерешительность. Он всегда все замечает.

По улицам в этой части города разрешено ходить как пешеходам, так и экипажам с лошадьми. Королева нечасто выходит на улицы, поэтому мы приковываем к себе удивленные взгляды прежде, чем люди в спешке начинают кланяться и делать реверансы. Моя стража расходится веером, что поз-

воляет нам находиться на приличном расстоянии от людей. За нами также следует Джейк практически по пятам.

Я обращаю свой взгляд на Грея.

– Куда мы идем?

– Недалеко отсюда есть таверна, где подают нарезанную говядину, которую пожарили в тесте. «*Hushna Bora*». Ты знаешь это место?

Hushna Bora. Дикая лошадь. Я не знаю, где это, но мне нравится, что Грей решил пойти в таверну. Нолла Верин сочла бы это возмутительным. Я представляю, как моя сестра возмущенно шипит: «Королева не должна есть с простолюдинами!» Моя мать тоже никогда бы не соизволила обедать в таверне, и это уже само по себе делает идею Грея заманчивой, даже если бы он не стал говорить о еде.

Однако в таверне будет полно народу. Там соберется целая толпа незнакомцев.

– Ты почти ничего не съела за завтраком, – говорит Грей. – И я подумал, что ты, возможно, захочешь прогуляться. – Его голос звучит непринужденно, не выдавая ни напряжения, ни беспокойства, но затем его рука ложится на мою, и он нежно сжимает мои пальцы.

Это одна из моих любимых его черт. Грей легко может взять все под контроль. В тронном зале он мог бы запросто подчинить всех своей воле, и я бы его не остановила. Он мог бы устроить допрос моей стражи и выдвигать требования.

Он ничего из этого не делает. В то же время он не сдает

свои позиции. Грей... умеет оказывать поддержку.

Голос принца становится тише:

– Слухи о покушении распространились быстро. Сейчас важно, чтобы ты не выглядела напуганной.

Мне приходится сглотнуть. Мои пальцы сжимают руку Грея.

– Но мне страшно. – Я говорю очень тихо, потому что не хочу слышать собственные слова.

– Я знаю, – отвечает Грей, – но я также знаю, что ты сильнее своего страха. – Он кивает вперед и делает глубокий вдох, как будто не заметив, что его слова заставили меня покраснеть.

– Ты чувствуешь запах еды? Давай удивим всех визитом их королевы.

* * *

Еда так же хороша, как и описывал ее Грей. Посетители освободили для нас место в темном углу, но мы оказались рядом с очагом, поэтому нам тепло. Стражники выстроились в линию, разделяющую нас и остальных посетителей, так что мы в безопасности.

Джейк и один из личных стражников Грея играют в кости за столиком возле бара. Там они могут держать ухо востро на случай каких-либо неприятностей.

Впервые за все утро я могу сделать глубокий вдох.

Честно говоря, такое ощущение, что я дышу впервые за последние несколько недель.

– Тебе лучше? – спрашивает Грей.

Я встречаюсь с ним взглядом и киваю.

– Лучше. – Я выдерживаю паузу. – Я почти что хочу, чтобы мы могли побыть здесь до конца дня. – Я отвожу взгляд, стыдясь, что призналась в своих мыслях. – Но это было бы похоже на то, что я просто убегая и прячусь.

– Не думай так. Расценивай это как... стратегическое отступление.

Я издаю очень неуверенный смешок.

– Сказал тот, кто никогда ни от чего не прятался и не бежал.

– Я скрывался с тобой в лесу неделями.

– Это было другое.

– Почему же? – Он ненадолго умолкает. – Я также провел несколько месяцев в Риллиске именно по причине стратегического отступления.

Я слышала его рассказы о Риллиске, о том, как Грей сбежал из Замка Железной розы и устроился на работу конюхом. Он работал вместе с Тайко и не выдавал себя до того дня, как решил выступить в бою на турнире вместо раненого человека. В конце концов его личность была раскрыта Дастаном – командором Королевской стражи Рэна.

– Айзек как-то спросил меня, почему я выбрал самую грязную работу, – говорит Грей.

Я ковыряюсь вилкой в тесте, оставшемся на моей тарелке.

– Почему же?

Он слегка пожимает плечами.

– На самом деле я сам не особо понимаю почему. Я люблю лошадей. Я знаю, как за ними ухаживать. – Его голос стал мрачным. Грей старается подбирать слова, поигрывая с рукояткой ножа. – Моя жизнь очень долго была связана с потерями, страхом и болью. Мне кажется, я хотел... чего-то простого.

Все из-за проклятия.

– Если бы только Рэну хотелось того же.

Грей хмурится.

– По правде говоря... Я думаю, ему хочется того же. – Грей переводит дыхание. – Я иногда спрашиваю себя, были ли его действия спровоцированы лишь страхом перед магией. Проклятие было снято, но он все равно остался в ловушке. Возможно, он злился на меня и завидовал, потому что я смог обрести свободу, а он – нет.

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. Действия Рэна по отношению к Грею и Тайко были просто бесчеловечными, и если они были спровоцированы завистью и злостью, то это делает их еще хуже.

– Ты не можешь простить ему то, что он сделал, Грей.

– Конечно, могу. – Он пристально смотрит на меня. – Я бежал от своего первородства, но именно оно подарило мне шанс хотя бы на время скрыться от своего прошлого. Оно

позволило мне найти себя, хотя во время проклятия я даже мечтать о подобном не смел. У Рэна такой возможности не было. У него не было выбора.

Я наклоняюсь к Грею через стол.

– Он приказал выпороть тебя...

– Колдунья пытала его. Много раз. И ее пытки были гораздо хуже порки. – Плечи Грея напряжены, его рука все еще сжимает нож. Его глаза холодные и темные. – Бывали дни, когда... когда... когда она... – Грей внезапно замолкает и глубоко вздыхает, что очень на него не похоже. – В общем, твоя мать, наверное, восхитилась бы ее изобретательными методами. Однако Рэн не позволял Лилит мучить меня. – Грей избегает моего взгляда. – Поэтому она истязала его. Сезон за сезоном.

Грей редко рассказывает о том времени, когда он был пойман в ловушку проклятия вместе с Рэном в Замке Железной розы. Когда он все же что-то вспоминает, то его голос становится очень тяжелым. Он во многом винит себя, я знаю, но сейчас я впервые услышала, чтобы он говорил о Рэне.

Это первый и *единственный* раз, когда я прониклась сочувствием к этому человеку.

– Ты никогда мне этого не говорил, – тихо говорю я.

Он отворачивается.

– Что было, то было.

Я протягиваю руку и кладу ее поверх его руки. Вдоль запястья Грея тянутся выпуклые шрамы. Рубцы появились у

него еще до того, как он научился использовать магию, чтобы исцелять себя. Они ничто по сравнению со шрамами на его спине, которые оставил Рэн.

Грей на мгновение напрягается, когда я прикасаюсь к нему. Я заметила, что его всегда пугают нежные прикосновения, потому что он очень долго обходился без них. Он так привык быть один, поэтому мои прикосновения и доброта все еще чужды ему.

Однако Грей быстро расслабляется, после чего переворачивает руку, чтобы взять мою.

– Это все не имеет никакого значения, если мы собираемся нападать на Эмберфолл и пытаться отобрать у него королевство.

– Как думаешь, есть хоть какой-то шанс, что он сдастся? – тихо спрашиваю я. – Мы дали ему шестьдесят дней.

– Когда меня притащили к нему в цепях, Рэн приказал отпустить меня и сказал, что мы должны были быть друзьями. – Грей колеблется. – В тот момент я подумал, что он может пойти на уступки, что он даст мне свободу... – Он снова умолкает. – Я думал, он поверит мне, когда я сказал, что пытаюсь защитить его.

Вместо этого на следующий же день Рэн приковал Грея и Тайко к стене и приказал стражникам принести две плети.

– Он не уступит, – тихо говорю я.

– Нет. – Выражение лица Грея снова становится отчужденным, эмоции, которые он проявлял несколько минут на-

зад, теперь были спрятаны за маской. – И я тоже.

– Как у тебя дела с армией?

Грей хмыкает и выпрямляется.

– Многие из ваших солдат, судя по всему, не хотят, чтобы на тренировочных полях использовали магию, – говорит он. – Многие, кажется, не хотят там видеть и меня.

– Но ты же наш союзник! – яростно возражаю я.

– Не так давно я был вашим врагом, – говорит он. – Есть солдаты, с которыми я столкнулся в бою и которыми теперь командую. На их месте мне бы тоже было нелегко принять такое положение дел, поэтому я понимаю, что им приходится несладко.

Я стискиваю зубы. Я знаю, что он прав. Может быть, я наивна, когда полагаю, что все может быть как-то по-другому.

– Итак, мы планируем идти на Эмберфолл с раздробленной армией, чтобы противостоять раздробленной стране.

– Именно. – Грей тяжело вздыхает. – И наша миссия – мир.

Я тоже вздыхаю. Мне кажется неправильным добиваться мира при помощи армии, однако я не могу принести свой народ в жертву чертовой гордости какого-то там принца.

Между стражниками проскальзывает служанка, чтобы убрать грязную посуду с нашего стола. Когда она приближается ко мне, в стакане отражается вспышка света. Я тут же вспоминаю о девушке, которая напала на меня. Мне становится трудно дышать, и я отшатываюсь в сторону.

Ария – моя стражница – оказывается рядом меньше чем через секунду. Она уже успела обнажить меч, как и Грей.

Девушка вскрикивает и роняет блюдо. Остатки еды оказываются на полу. Она бледнеет, падает на колени и начинает бормотать извинения.

Грей и Ария обмениваются взглядами, после чего они вдвоем смотрят на меня.

– Все в порядке, – говорю я на сишшальском. – Со мной все хорошо. Это было... недоразумение.

Девушка хватается ртом воздух и едва не плачет.

– Простите меня, Ваше Величество, простите...

– Все в порядке. – Мне все еще трудно дышать. – Встань, пожалуйста.

К ним подбегает хозяйка таверны – пожилая женщина с копной вьющихся седых волос, собранных в тугий узел на затылке. Она хватается дрожащую девушку за руку и заставляет ее встать.

– Простите нас, Ваше Величество. Я прослежу за тем, чтобы ее наказали. – Затем без промедлений она отводит руку, как будто собирается дать девушке пощечину прямо у меня на глазах.

– Нет! – Стул скрипит, когда вскакиваю на ноги. Я хватаю женщину за запястье. У нее был сильный замах, и я лишь немного сглаживаю удар.

Женщина ахает и отшатывается.

– Я... Ваше Величество, простите меня. Я думала... Я ду-

мала... – Она выглядит потрясенной.

Девушка тяжело и рвано дышит, пока переводит взгляд с меня на хозяйку таверны с ошеломленным выражением лица.

Они, вероятно, думали, что я буду рада насилью или же захочу лично выместить на девушке свое недовольство. Моя мать, естественно, так бы и поступила.

– Я знаю, что вы подумали, – говорю я. – Но я не испытываю радости от наказаний. Она не сделала ничего плохого. – Я выпрямляюсь и смотрю на Арию и Грея. – Уберите оружие. Здесь никто никому не желает зла.

Они подчиняются. Девушка делает реверанс и наклоняется, чтобы поднять упавшее блюдо. Она снова бормочет под нос извинения, ее руки дрожат.

Хозяйка таверны в нерешительности заламывает руки.

Я смотрю на нее.

– Принц Грей высоко отзывался о вашей таверне, и я с радостью обнаружила, что еда здесь была восхитительна. Ваша помощница обслужила нас на высшем уровне. Мы выражаем благодарность вам обоим. Я обязательно порекомендую своим королевским домам обедать здесь.

Женщина открывает рот от удивления.

– Ваше Величество!

Мое сердце бьется в груди с бешеной скоростью.

– Мы хотели бы закончить нашу трапезу, если вы не возражаете.

– Конечно. – Она делает реверанс. – Да, конечно. Я при-
шлю еще одну бутылку нашего лучшего вина.

Хозяйка уходит. Мы садимся за стол. Мои щеки горят, и
я не уверена, что могу встретиться взглядом с Греем. Мне
стыдно, что я устроила сцену. Однако затем он наклоняется.

– Как я и сказал, – шепчет он, и в его голосе звучит гор-
дость. – Ты сильнее своего страха.

Его слова заставляют меня поднять глаза. Я просто испу-
галась... без всякой на то причины. Я едва не стала причи-
ной избиения невинной девушки, если не хуже.

– Я не чувствую себя сильной.

Грей многозначительно смотрит на служанку, которая
сейчас находится в противоположном конце таверны и раз-
говаривает с двумя другими работницами заведения. Они
несколько раз косятся в нашу сторону.

– Похоже, они считают тебя именно такой, – говорит Грей.
Я краснею.

– Я рада, что ты привел меня сюда.

– Как и я. – Он протягивает руку, чтобы провести кончи-
ками пальцев по линии моего подбородка, и я замираю. Как
и в те моменты, когда мои прикосновения застают его врас-
плох, нежность Грея оказывает тот же самый эффект на ме-
ня, тем более что он только что стоял с мечом в руке. Эту
свою сторону он очень редко показывает, особенно на пуб-
лике.

Грей отстраняется и вздыхает.

— Я не могу весь день отсутствовать на учениях. — Он медлит, не сводя с меня глаз. — Но, возможно, солдатам стоит иногда видеть свою королеву.

— Я рада, что ты теперь мой союзник, — говорю я. Его брови приподнимаются, и я краснею, потому что мои слова звучат слишком пафосно. — Мне бы не хотелось встретиться с тобой на поле боя.

— Я бы тоже не хотел встретиться с тобой на поле боя.

— Какая наглая ложь! — говорю я, подшучивая над Гре-ем, но в то же время я понимаю всю серьезность сказанного мной. — Я никогда не смогу одолеть тебя в бою.

— Как раз наоборот. — Он берет мою руку и целует кончики пальцев. — Тебе известны все способы, которыми ты можешь заставить меня сдаться.

Глава 12

Грей

Я провел, кажется, сотню жизней, будучи королевским стражником, но я никогда не был настоящим солдатом. Даже сейчас я знаю, как сражаться, как тренироваться в составе отряда. Я знаю, как выглядят солдаты, преданные делу и единые в своем желании поддержать своих лидеров. Я знаю, как выглядят солдаты, которым на это плевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.